

СМЕРНА

№ 2

10 КОП.

— АВТОМАТИЧЕСКАЯ ПИЩЕВА —
КОММУНИКАЦИОННАЯ РАБОТА

СПЛОШНАЯ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ — СМЕРТЬ КУЛАКУ

ОРУЖИЕМ ЛЕНИНСКИХ ЗАВЕТОВ ВЫКОРЧУЕМ
КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ КОРНИ В ДЕРЕВНЕ

тракторов на поля

... Мы имеем материальную базу для замены КРУПНОГО кулацкого производства КРУПНЫМ производством колхозов, мощного продвижения вперед по созданию социалистического земледелия, не говоря уже о совхозах, рост которых значительно обгоняет все плановые предположения.

Это обстоятельство, имеющее решающее значение для всего народного хозяйства СССР, дало партии полное основание перейти к своей практической работе ОТ ПОЛИТИКИ ОГРАНИЧЕНИЯ ЭКСПЛУАТАТОРСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ КУЛАЧЕСТВА К ПОЛИТИКЕ ЛИКВИДАЦИИ КУЛАЧЕСТВА КАК КЛАССА.

(Из постановления ЦК ВКП(б)).

Вопреки пророчествам правых оппортунистов, наперекор враждебной кулацкой агитации, рабочий класс под руководством партии укрепляет безпартийно-средняцкий союз, перестраивает деревню на новых социалистических началах.

300 районов сплошной коллективизации, 1.300 крупных колхозных объединений, 30 миллионов га под колхозные поля, вот что нам дает наступающая весна.

К весне этого года на советских полях будут работать 60 тысяч тракторов, в 1930/31 году — больше 100 тысяч, а в 1931/32 году — больше 250 тысяч тракторов.

Темп массовой коллективизации деревни требует того, чтобы весь колхозный фронт бился за сплошную коллективизацию, за строительство совхозов, за подъем урожайности, за подъем животноводства, за механизацию деревни, широкое развертывание социалистического соревнования между селами, районами, округами за их быструю коллективизацию.

(Из постановления ЦК ВЛКСМ).

«Среднее крестьянство в коммунистическом обществе тогда будет на нашей стороне, когда мы облегчим и улучшим экономические условия его жизни. Если бы мы могли дать 100 тыс. первоклассных тракторов, снабдить их бензином, снабдить их машинами (вы прекрасно знаете, что пока стельяны сказали бы: «я за коммунизм» (все за коммунизм)).»
(Ленин).

При нынешних темпах машинно-тракторного строительства, намеченных пятилетним планом, наша страна в два-три года обгонит Америку. В 1929/30 году на советских заводах будет изготовлено тракторов и сельскохозяйственных орудий на 375 миллионов рублей — больше чем Америка производила в 1922 году. А в 1930/31 году на наших заводах будет выпущено столько машин, сколько Америка выпустила за последние пять лет. В 1932/33 году будет изготовлено 522 тысячи десятицилиндровых тракторов.

ЛИКВИДАЦИЯ КУЛАЧЕСТВА —
БОЕВАЯ ЗАДАЧА ДНЯ

Смена

№ 2 — 20 января 1930 г.

Литературно-художественный, иллюстрированный журнал рабочей молодежи
Орган ЦК и МК ВКП(б) — Изд. "Молодой Гвардии"

Ответственный редактор С. Кэриад
Заведующей редакцией Н. Юдицкий

Дж. Алтаузен МАВЗОЛЕЙ

До косточек холод нас шупал,
Над нами
Мы самшали треск,
То чокнулся
Купол о купол,
То крест ухватили за крест.

Ломило на воздухе зубы
И сыпался снег сляуной,
Когда
Засыженные кубы
Поднялись над нашей страной.

И главный,
Кого мы, деляя,
Несли в тишине меловой,
Под бронзовый шит мавзолея,
На запад упал головой.

И к этой стене
Заповедной,
Где лет он на вечный гранит,
Где колокол
Шапкою медной
Под Спасскою башней гремит,

Приходит с Карпат и с Памира,
И то
Им увидеть лано,
Что лучше школьнички мира
На память рисуют давно.

Приходит из дальних селений,
Где волчий
Теряется саа,
Вот в северной шкуре оленя
С собакой
Пришел самоед.

А вот на морском самобране
Те люди,
Что ской салмут,
Скуластые наши зирные
На льдинах толевных плывут.

Их треплет,
Их кружит по взморьям,
Несет в ледовитом дыму,
На льдинах,
Сквозь штормы и зори,
Они подплывают к нему.

Легит он, спокойный и желтый,
И жмалы бегут по рукам,
Проходят
За толпами толпы,
Знамена поют по бокам.

И только один
Неизменный,
Как гость у мужого стола,
Стоит,
Сарафанный Блаженный,
Цветные поднял купола.

Адрес редакции: Москва центр, Новая площадь, 6. Издательство "Молодая Гвардия". Прием в редакцию ежедневно с 12 до 2 ч. дня.

Обложка худ. А. ДЕЙНЕКА

21 января 1924 года

Масла Ленин

Мих. Светлов

60.000

Крепче почувствуй
Плечо у плеча —
С нами, товарищ,
Нет Ильича!
Домашним гулом,
Тракторным ходом
Шаг Ильича
Гудит по заводам.

Выросли тысячи
Новых колхозов.

Пусть закипает
Работа в руках!
Ленинский взлет!
Ленинский взмах!

Новые дома
Пылают огнем,
Домны пылают,
Как память о нем,
Соревнованье,
Работой тройною
Память о нем
Встает над странною.

Пусть закипает
Работа в руках!
Ленинский взлет!
Ленинский взмах!

Смшишь: по всей
Ширине и дине
Медленный ход
Тракторов по стране:
Шестьдесят тысяч
По полю проходят,
И трактористы
Песню заводят:

Пусть закипает
Работа в руках!
Ленинский взлет!
Ленинский взмах!

Пусть закипает
Работа в руках!
Ленинский взлет!
Ленинский взмах!

Крепче почувствуй
Плечо у плеча —
С нами, товарищ,
Нет Ильича!
Домашним гулом,
Тракторным ходом
Шаг Ильича
Гудит по заводам.

Шестьдесят тысяч
Проходят, гудя —
Это венки
На могилу вождя,
Это сквозь гуцу
Январских морозов

Пусть закипает
Работа в руках!
Ленинский взлет!
Ленинский взмах!

ОБЕСПЕЧИМ КОЛХОЗАМ РЕШАЮЩУЮ ПОВЕДУ!

Пяталетка коллективизации сельского хозяйства. Пять лет. Да разве можно растянуть на такой срок бурный процесс, охватывающий сейчас такие решающие районы, как Северный Кавказ, Нижнее и Верхнее Поволжье? Разве уже не в текущем году эти районы начерно будут коллективизированы. Как можно говорить о пятилетнем плане коллективизации, когда уже сейчас в ряде районов растут новые хозяйственные отношения между крестьянами. Когда уже в ряде районов крестьянские хозяйства коллективизированы на 60—80 процентов.

Лишь сиюсокаящие да пророчествоющие правые оппортунисты и враги Советского Союза могут теперь возразить против коллективизации, против бурного роста обществления крестьянских дворов. Как зло посмеялась жизнь над теми, кто, отвернувшись от Ленина, попытался противопоставить кооперативный план Ленина коллективизации, кто, отражая кулацкие настроения, ратовал за обогащение индивидуальных крестьянских хозяйств, кто мистифицировал кулака «мирно вратать в социализм».

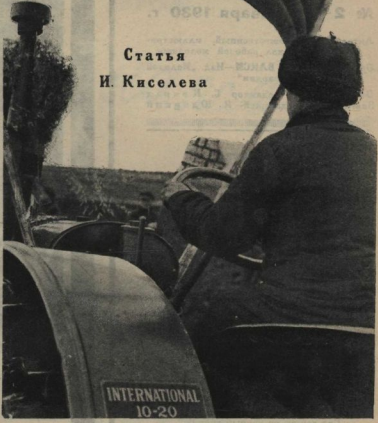
В работе последних двух лет, действительно, цементируется генеральная линия партии. Партия, как и всегда, оказалась права в борьбе с правыми и «левыми» оппортунистами.

Трудно себе представить, что сейчас творится в деревне. На ряду с сохой, с мелкими карликовыми крестьянскими хозяйствами, вырастают коммуны, районы сплошной коллективизации. Мы чувствуем, как городская жизнь пробивается, ломая межи, чистюлы, в деревню. В Хоперском районе сплошной коллективизации можно проехать десятки километров и не увидеть ни одного индивидуального хозяйства, всюду сплошь без меж, сплошь — колхозы. И мы не можем представить себе, что творится внутри этих колхозов, какие процессы происходят.

В некоторых колхозах введены заборные книжки. Каждый колхозник имеет расчетную книжку, работает по зарплате, получает по потребностям. С ломкой экономических отношений рушится, ломается старый быт; трещат скрепы старой деревни; в целом районе ни одной перекати; выброшены на двор, сожжены в печах иконы. И если судить по тем процессам, которые происходят в деревне сейчас, то можно себе представить ясно, какой бурной будет наступающая весна. Вырвавшись образно, 10 дней весеннего сева действительно потрясет деревню.

Деревня встала на истинный путь, на путь обществления крестьянских дворов, мы наблюдаем, как постепенно стираются грани между городом и деревней. Коллективизация привнесла беспрецедентный размах. Теперь уже никакая сила не остановит этого бурного потока. Нужно только умело аннулировать эту «деревенскую стихию», обеспечить ее производственным базисом, организационно закрепить инициативу крестьянских масс.

Мы приступаем к подготовке и проведению весенней посевной кампании. Составлены планы, намечены

Статья
И. Киселева

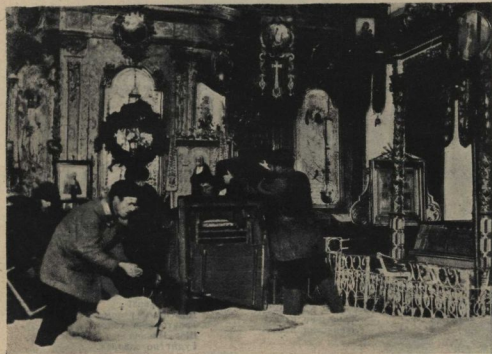
задачи. Но нужно помнить, что все наши предположения, особенно в деле коллективизации сельского хозяйства, будут превзойдены в несколько раз. Помимо усиленного темпа коллективизации текущая весна будет отличаться быстрым обществлением сельского хозяйства.

Сейчас уже крестьяне не удовлетворяются организацией первичных форм объединения. Процесс коллективизации не только ширится, не только захватывает все большее и большее количество крестьянских дворов, мы наблюдаем, как постепенно стираются грани колхозов, стремятся обобществить сразу все отрасли сельского хозяйства.

Жизнь ломает и планы, и устои. Жизнь рождает новые взаимоотношения в крупных коллективных хозяйствах. По плану только по РСФСР предполагается объединить 26 миллионов гектаров, втнуть таким образом в колхозную систему около 7 процентов индивидуальных крестьянских хозяйств. Этот план будет несомненно перерубат. Огромный массив под колхозами составит не 34 процента всей годной земли ярового клина, а 50 процентов. Это можно сказать с уверенностью. Мелкие колхозы, товарищества по совместной обработке земли остаются позади, выключаются уже пройденным этапом. Растут коммуны, артели, районы сплошной коллективизации, крупные коллективные хозяйства, построенные на плановых началах.

План РСФСР предполагает организацию 300 административных районов сплошной коллективизации, но их будет больше. И несомненно, что рост социалистического сектора сельского хозяйства будет способствовать и росту урожайности, и расширению посевных площадей. По одной только РСФСР текущей весной намечено расширение площади на 14% процентов и повышение урожайности в среднем на 10 процентов. Огромную помощь делу коллективизации окажут 104 вновь организованные машинно-тракторные станции.

Вовреки пророчествам правых оппортунистов, вопреки враждебной кулацкой агитации, рабочий класс перестраивает деревню на новых социалистических началах. Именно текущая весна будет характерна в том отношении, что рабочий класс, на основе новых форм производственной связи, вместе с бедняцко-средняц-

К весеннему севу. Крестьяне колхоза «Возрождение» (село Ромашово, Моск. обл.) сортируют зерно в черны, ватной под зернопродлинщик

клим массами широким фронтом начнется наступление на остатки капиталистических отношений в нашей стране. Теперь, когда мы имеем материальную базу в виде крупных колхозов и совхозов, которая может заменить крупное кулацкое производство — мы практически переходим от ограничения эксплуататорских тенденций кулака к ликвидации кулачества как класса.

Все это, понятно, не означает, что работа в дальнейшем будет протекать в мирной обстановке. Корни капитализма еще не выкорчеваны, еще ценно местами держится кулак, еще огромное злое имеет привычка. Каждый шаг придется брать с бою. Каждый новый колхоз будет вырастать в решительной схватке с классовым врагом, со старыми традициями.

Этого нельзя забывать ни на минуту. Не только поворот колхозов будет происходить обостренная классовая борьба, но первые годы и внутри колхозов мы будем встречаться с обостренной классовой борьбой, правда в иных формах, иными методами. Вот почему не надо обольщаться успехами, всегда уметь организовывать беленко-средняки неслыша для отпора классовому врагу.

Эта историческая роль, за которую берется вполноте пролетариат, не пройдет без особых жертв, без огромных трудностей. Как лучше организовать хозяйство? Как организовать труд? Где найти кадры? Как обеспечить колхозы машинами и техникой? Где достать тракторы? Все эта сумма вопросов именно сейчас приобретает огромное значение.

Не следует закрывать глаза на то, что мы не в силах в текущем году обеспечить колхозы тракторами. Несмотря на огромное напряжение нашей промышленности, мы не удовлетворяем и половины спроса на крупные сельскохозяйственные машины.

Вот почему надо иметь в виду два условия — организовать живую тяговую силу, использовать с полной нагрузкой каждую лишнюю лошади, вола.

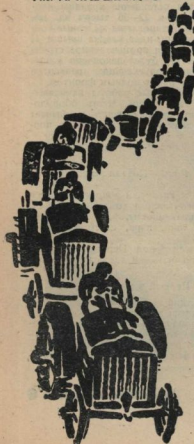
Вот почему нужно развернуть бешеную работу по сбору второстепенного экспорта, могущего дать сотни тысяч тракторов.

Нынешней весной нужно не только развернуть массовую работу по коллективизации сельского хозяйства.

Наличие большого количества колхозов, целых районов сплошной коллективизации ставит во всю широту вопрос об организации хозяйства внутри их.

Это дело сопряжено с огромными трудностями. Мы впервые в мире приступаем к строительству крупных социалистических хозяйств, размер которых превышает все ранее существовавшие хозяйства в капиталистических государствах. Организация крупного хозяйства требует большого количества кадров специалистов, машинной техники и умения организовать коллективный труд рабочих. Поставленная задача поднятия производительности труда на 30 процентов и снижения себестоимости на 20 процентов может быть выполнена лишь при условии развертывания широкой массовой работы, при условии внедрения методов социалистического соревнования во все процессы колхозной деятельности, при условии правильной расстановки сил внутри колхоза.

Рис. М. КРЕМЕСКОГО

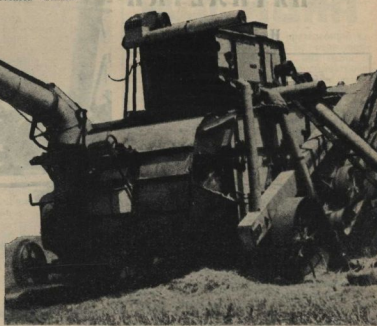
Комсомолу следует стать в первые ряды бойцов за новые отношения внутри колхоза, за поднятие производительности труда и снижение себестоимости.

Перенесение городских форм работы, организация ударных бригад, групп по инициативе над машинами, развертывание работы производственных совещаний и комиссий — все это должно найти место в колхозах. А все это требует решительной перестройки работы всех организаций в районах сплошной коллективизации.

Нужно понять, что уже сейчас в деревню привокат заводские формы работы, что уже сейчас ставится по-новому работа партийной, комсомольской ячейки и других общественных организаций. Огромную роль в этом деле призваны сыграть рабочие бригады, посылаемые в колхозы. Они-то и должны перенести весь опыт производственных ячеек колхозов.

Не меньшее значение наступающей весной будут играть зерновые фабрики. Помимо существующих совхозов органи-

Молотилка на полях совхоза «Гигант»

зуется ряд новых с охватом огромного массива земли. Новое здесь заключается в том, что отдельные фабрики и заводы приступают к практической организации советских хозяйств на неосвоенных землях. Так, завод АМО в текущую весну организует совхоз на площади 50 тысяч гектаров земли.

Выполнение качественных показателей в совхозах имеет особое важное значение. Здесь нужно будет снизить себестоимость на 22 процента и повысить производительность труда на 60 процентов. Борьба за эти показатели должна виться основной задачей всех организаций, в том числе и комсомольцев.

В текущую весну должны также разрешить зерновую проблему и не только снабдить страну необходимым количеством хлеба, но и обеспечить хлебный резерв.

Со всей остротой выплывает и проблема животноводства. Именно в текущую весну надо будет развернуть большую работу по развитию животноводства. Разрешение этой проблемы немаловажно на основе индивидуализации крестьянских хозяйств. Как и зерновая, эта проблема может быть решена только обеспечением крестьянских хозяйств и постройкой животноводческих совхозов.

Все эти новые задачи, связанные с ломкой отношений в деревне, с ликвидацией кулачества, с бурным ростом коллективизации и со строительством советских хозяйств, настоятельно требуют приведения в движение всех масс бедняцко-средняцкого крестьянства, повышения внимания со стороны городских организаций, четкой и своевременной подготовки к весеннему севу всех организаций.

Задача комсомола заключается в том, чтобы самым решительным образом повернуться лицом к хозяйственным вопросам, к колхозному и совхозному строительству. Активно борясь за коллективизацию, энергично развертывая работу внутри колхозов, комсомол должен одновременно с этим начать великий поход за поднятие технических знаний в деревне. Ургентным огнем агро-пропаганды надо встретить наступающую весну. Вот почему уже сейчас нужно будет развернуть широкую сеть агрикультурных кружков, кружков по изучению колхозного движения, используя все культурные силы деревни, агрономов и учителей в первую очередь. Комсомол должен стать ударной бригадой, ударной армией претворяющейся деревни.

Тракторная колода на болотном поле

ВСТАЮТ ГИГАНТЫ ПЯТИЛЕТКИ

И. Шиф

Если бы мы могли дать автору 100 тысяч первоклассных тракторов, снабдив их бензином, снабдив их машинистами (это прекрасно известно, что это люди фантазии), по среднему европейскому скавал бы: Я за коммунизм!

Ленин. Из речи на VIII съезде пар-

Степь шумит

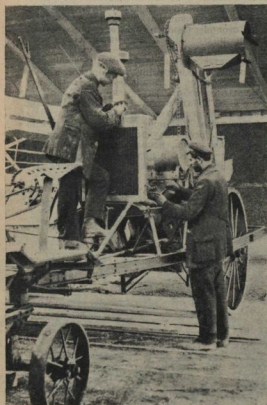
Степь... Широкая, бескрайняя... Кругом на сотни верст степная гладь-песина. Нет путей-дорог; сиротливо жмется к земле рудый кустарник, ветра волыные, буйные бродят одиноко по степи. И нет им пристанища — далеко уходит равнина неслыханных полей, далеко бегут степные просторы...

И ждут они, нерожденные поля, новых дней, когда придут люди, смелые, упорные, и наполт с соком кропотливого труда, оплодотворят ее тысячесовую ветрующую гладь. Тогда зашумит степь новой жизнью, зацветет пшеничным густоцветом, и ветра, ослепленные, воздушные, уймется в шипы края, чтобы промучить тревожными песнями о побежденной степи, о новой жизни на новой земле...

Смелые люди претерпевают старую, спящую землю. Люди, как ветра, мчатся по степи, меряют ее бескрайние дали и замыкают их в строгие кодошки цифр. Люди ищутую степь и побеждают. Бескрайние дали равнины будут разрезаны на ровные луга, и по их молчаливым просторам пролетает мощная штурмовая колонна бунтарей. Каждый из них несет все новое лесни, болые, смеые, — прокладывает путь к новой, невиданной жизни. Бунтарь бродит по степи... Имя ему: — трактор!

Мечты железного Феликса

Трактор ломает изгородь старой деревни. Там, где он выходит на борюбу, побеждает новью; рушатся вековые мемы, падают ча-

Запорожский сельхозмашиностроительный завод. Сборка первого советского комбайна.

Остранивающийся механический цех тракторострой. Сборка и установка новых американских станков

стоковы. Раздоранная на ключи земля объединяется, и цветет на ней новая жизнь.

Нам нужны тракторы-бунтари. Нам нужны сотни тысяч тракторов, чтобы переиначить весь лас земли. Нам не раз говорили о «стальных конях» для деревни: «Если бы мы могли дать завтра 100 тысяч первоклассных тракторов»... — фантазировал он на VIII съезде партии.

Феликс Джержинский, великий бунтарь и строитель, понял ленинскую мечту и претворился величием этого огромного дела. Железный Феликс предвидел грядущие глубокие слезы, но осуществить свою мечту не мог. Не до этого было тогда. То были годы, когда стране нужны были иные кони, да и иных полей, — жинные кони для полей сражений. Нужны были победы над врагом, сильным и ненавистным. И только поседующие годы, озаменованные великими победами над врагом, дали возможность претворить босую киди Феликса в жизнь!

— Нам нужны свои, советские тракторы.

В степи, широкой и бескрайней, растет Тракторострой, гигант революции, скачущий богатырь скачочной пятiletки.

Здесь заложен город

От шумного Сталинграда бегут в молчаливую степь гоним-реальсы. Они сверкают на солнце зеленовато-серым стальным отливом — ведут к строительству. Еще издали от гонимы чувствуется его живое дыхание, его несбывший творческий размах.

По железнодорожной ветке и вдоль ее стальных берегов снуют караваны строительных материалов. Миллионный поток кирпича! Неудержимая завина цемента, стекла! Невысказанный гигант, раскинувшийся на 339 гектаров, пожирает их с молниеносной быстротой. О его «капитале» свидетельствуют несколько цифр: один механическо-сборочный цех поглощает 600 тысяч штук кирпича, 45 тысяч квадратных метров стекла и несколько десятков тысяч бочек цемента.

Цемент, кирпич, стекло! — Не о них ли расширялись правые маюверы и пророчествовали стране гибель? «Воздушные кирпичи» — из них заводом не построится! — надевались они над нашей пятiletкой. И, как бы им в ответ, движется беспрерывным потоком кирпич, не «воздушный», а самый настоящий, подлинный, строительный, и с лениндовой быстротой гонится вверх огромные хоруга с будущих цехов.

В июне были заложены первые камни фундамента, а уже через четыре месяца, и ноябре, выросли в степи гигантские сооружения, а к январю подведены под крышу

основные цеха. Нам. Тракторострой, тов. Иванов, докладывает:

«Сейчас конструкции литейного цеха установлены, идет укладка досок для устройства крыши. Литейный цех мы завершим кирпичей к первым числам января. Механическо-сборочный цех тоже заканчивается. Работы земельные мы начали в конце июля — в начале августа. Кладку фундамента производили в августе и в сентябре. Первая партия железных конструкций прибыла на территорию завода 15 сентября, первую колонну железных конструкций мы установили 25 сентября. Раньше на протяжении, например, 12 гектаров было голое место. Сейчас, кроме литейного цеха, кончатся стены или уже окончили строительство механическо-сборочный цех в 408 метров длины и 96 метров ширины, занимающий около 5 гектаров земли. Заканчивается остекление кузницы площадью в 22—23 тысячи кв. метров. Установлены железные конструкции, идет кладка крыши. К 1 февраля промышленное строительство будет закончено в пределах, допускающих развертывание работ полным фронтом.

Монтажные работы начинаются уже теперь. Часть оборудования прибыла, часть прибывает на-днях, а один из жилых корпусов, — июля мы должны пустить завод.

Немалый темп! Позади американские темпы строительства! В степи растет гигант, и вокруг него его деташе—четырёхэтажные дома для рабочих, клубы, больницы, школы, детские сады, ясли, театры, кино, парк, скверы, детсады...

Здесь заложен город. Первый город социалистического быта, цитадель новой культурной жизни.

Первый в мире

Гигант, растущий под Сталинградом, как и другие строящиеся заводы тракторов и комбайнов,—это воплощенная в жизнь фантазия, о которой говорил Ильич. Это и есть истинное тело «автарки», когда мы сможем дать 400 тысяч первоклассных тракторов деревне.

Ильичевская мечта—100 тысяч тракторов—вот будущая продукция Тракторострой. «Каждые шесть минут готовый трактор—вот какую цель поставили себе строители Тракторострой.

Каждый трактор в деревне—это лучший агитатор за коллективизацию, подлинный революционер, подлинный знамя восстания против вековой отсталости, против бедной, ценовой створца.

И один Тракторострой будет отправлять ежедневно в деревню сотысячную армию пропагандистов коллективизации, тысячи штурмовых колонн для завоевания новой жизни на обновленной земле.

Вместе со ста тысячами мощных тракторов «Интернационал» Тракторострой даст стране около 80 тысяч тонн железа и около 40 тысяч тонн готовых изделий. Его будущая армия—12 с половиной тысяч рабочих.

Ни одна капиталистическая страна не имеет такого мощного гиганта по выпуску двигателей и тракторов. Тракторострой—первый и мир завед, переживший и по своему размаху, и по своей технике капиталистическое производство.

Строясь, охватывая, беснующим темпом, Тракторострой отражает в себе, как в зеркале, взлёт партий быстрого темпа всего социалистического пролетариата осуществляется основной завет Ильича—догнать и перегнать капиталистическую страну.

Тракторострой—это наш первый крупный шаг, обогнавший и идущий впереди капиталистических стран.

Бой за темп

Мистер Калдэр—флегматичный американец, главный инженер Тракторострой—ежедневно оглядывает строительство и ежедневно недоволен. Мистер Калдэр смотрит в степь и видит готовый, остроенный и дымящий грохотом завод.

Строительство идет по плану, задания выполняются в срок, но мистер Калдэр хочет большего, он хочет построить завод до срока. Мистер Калдэр хочет в головах начать работу увидеть готовый завод. Вместе с 8 тысячами рабочих-строителей гиганта флегматичный соратник Форда посылает в эту страну в первый год работы не меньше 25 тысяч тракторов. А для этого нужны упорные бои с ересьскими производственностью, нужны большие победы над «трабскими» методами работы, а, главное, нужны люди, подготовленные, квалифицированные, преданные.

Нине вместе с русскими рабочими и техниками строит завод отряд американских инженеров с мистером Калдэром во главе. Их размах, деловитость и опыт нам необходимы. Их помощь нужна и ценна. Но на ней одной далеко не уедешь. Тракторострою нужна тысяча преданных, квалифицирован-

ных рабочих с большой революционно-творческой зарплатой, нужны такие кадры рабочих, которые могли бы последовательно выдерживать на своих плечах огромную тяжесть этого огромного дела.

«Что даст их, эти новые кадры рабочих? Старые заводы?—Мистер Калдэр в их торте от творческого изумления русских рабочих, но очень низкого мнения о их технической подготовленности. Школа ФЭЗ?—Но она еще только строится, и даже при лучшей постановке дела в ней, она не будет в состоянии питать завод живой силой.

И мистер Калдэр обращает свой взор к комсомолу. В быстром беге хлопотливых дел он еще не успел толком разобраться—что это за организация? Но, наблюдая по-надельно за работой молодых русских рабочих, носящих небольшой красный флажок на груди, он заметил в их глазах особый блеск, а в их труде—особый, четкий и отличный от обыкновенного, ритм. Мистер Калдэр сосредоточено наблюдал, как бригады молодых рабочих, с упорностью кроют, роют 650-метровый туннель для трубопроводов электростанции, и его острый глаз улавливал в этой работе какой-то своеобразный, но несомненный, порыв.

Он спрашивает у своего помощника—кто эти рабочие, и получает ответ:

— Это комсомольцы-ударники...

И мистер Калдэр доволен:

— Ой раи!

Он чувствует, что заводу нужны именно такие рабочие, такие ритмы, такой порядок, и записывает в свои записки кинку:

«Кемзельмь—50». Это значит, что Тракторострой должен иметь в своих жилах 50 проц. комсомольской крови, бурной, горячей, здоровой...

А ветером, просяривая русские газеты, мистер Калдэр наткнулся на заметку:

«Придавая исключительное значение необходимости обеспечить бесперебойную работу Тракторострой и считая, что строительство тракторный завода в Сталинграде должен быть не только образцом новой техники, но и образцом трудовой дисциплины, пролетарской инициативы—образцом социалистической организации труда и быта, бюро ЦК ВЛКСМ постановляет:

— Провести вербовку 7 тысяч молодых рабочих и батраков, проверенных на общественной работе, в числе которых должно быть не менее 60 проц. комсомольцев...»

Мистер Калдэр улыбается:

— Удивительная страна, удивительный комсомол.

Огромный муравейник раскинулось строительство.

Степь бурлит...

ПЛАНЫ

Дои раслаивался на два враждебных вала. Качество откатывалось от революции на границе эпох—за ним были 12 миллионов destino хуторов с домостроенским бытом. Из копейки Донбасса, из луганских пехов выходили к бою рабочие—за ними были будущие.

В Сальских степях скопились тысячью безбогарадцев. С фронта рамоудинной лавины перли немцы. Дыхание революции стало трудным.

Тогда луганчане телеграфировали в Петроград:

— Требуем Климта назад.

Клим Ворошилов, луганский рабочий, возвращал революцию несколько тымаых солдатских частей, залезавших в Петроград воздушным способом.

Первой армией, вступившей под командование Ворошилова, была горсточка рабочих и 600 человек. На нее направила разрушительная машина германской армии. Отряд в 600 штыков, превратившись в 5-ю армию, разраставался с невероятной быстротой. Тут же бился отряд Вадима, старого большевика, которого революция также обязала стать хитрым стратегом и тактиком классово войны. Рабочие шли к Цирицкому. Рабочие шли к Цирицкому. Рабочие шли к Цирицкому. Рабочие шли к Цирицкому.

Нужно было пройти 200 километров. Каждый метр этого пути обещал внезапную схватку, засаду, гибель. Но отговору уже равнял к рабочей партизанской армии буржуазские шахтеры. Их станция билась в двери штаба крестьяне и требовали выноса.

200 километров оказались для армии трехмесячным, непрекращающимся, дневным и ночным боем.

Трехмесячный бой—это не знает историю ни одной войны.

Через 200 километров бой армии превратился к Цирицкому. Но армия находилась по эту сторону реки, Цирицки—по ту. А мост был взорван. Назад идти было нельзя. Армия оказалась запертой в котловине.

Котловину назвали—пятачек. Пятачек этот имел 30 километров в окружности.

В этот пятак были брошены армией сотни паровозов, вагонов, тысячи лошадей, десятки тысяч людей.

Шахтеры в своем трехмесячном бою получили жесткую тренировку. На каждом новом метре пути им приходилось превращаться то в каменных бойцов, то в инжеверов, то в железнодорожников. Потеряна была граница между возможным и невозможным. Если бы им в те дни понадобилось соорудить из ничего дизель самой сложной конструкции—пожалуй, они соорудили бы. Из ничего. Из ржавого железа.

Но на этот раз нужно было построить только новый мост... И мост построили, Цирицки стал красным. Пятачек не выдал.

Клим Ворошилов, стирившийся в первом бою с 600 рабочими, прибыл в Цирицки с превосходящей вооруженной армией в 14.883 бойца.

В эти три месяца происходил естественный отбор надежных большевиков. Обирились они боем, тяжестью гражданской войны, трагедией буржуазинской котловины.

В 1919 году эти большевики вторично и в последний уже раз отбили Цирицки под руководством экстренно вызванного из Москвы Сталина. Отбили для того, чтобы передать Цирицки с корешком и доверху. Чтобы через десяток лет, так же, как строили в героическом напряжении пантонный мост, построить на глазах у капиталистического мира свои—социалистический город стали и машин—Сталинград.

На территории строительства. Мощные котлы для котельного цеха

КОМБИНАТЫ ЗЕМЛИ, СТАЛИ И ЭЛЕКТРИЧЕСТВА

Е. Крпгер

Земля выходит из берегов

По карте Советского Союза можно было бы сказать, как земля выходит из берегов.

Варья началась с двух-трех крестьянских дворов. Внезапно исчезли черные перекосные заборы. Дворы сливались. Силой первого января расцвели заборы всего села. На полях задыхалась в прошлом земля заголлала межи, выбиалась из старых границ, земляным штурмом билась в чужие, еще не расставленные заборы.

Отсюда в районные центры неслись телеграммы о стихийном разрыве коллективизации. Не успевали приходить ответные директивы, как разрыв становился сплошным. Рушились все заборы во всем районе. В газетах все чаще и чаще повторялось: новые районы сплошной коллективизации.

Земля вышла из берегов, деревни тронулись навстречу социализму.

Электричество ворочает землю

Представьте: Тщедушный электрический уток варт разубох, стал огромным, с гладкой доской перекочевал на поле и пригодился вращать землю.

Представьте! Каширский района сплошной коллективизации заявил на совещании в Кохозцентре:

— В ближайшем будущем, используя энергию Каширской электростанции, наш агроиндустриальный комбинат приступит к электрической запашке земли.

На одном из следующих заседаний стенографистка записала следующие слова представителя на этот раз уже Лихославльского округа.

— В распоряжении нашего кохозкомбината имеется 400,000 гектаров земли. Для ее обработки мы проектируем постройку единой электропахотной станции, которая будет работать на мощном тофийном массиве. Она распахнет нам все три района Тверского округа.

Создание агроиндустриальных комбинатов совершенно утилитарно-жизненно представление о старой деревне с ее индивидуальными хозяйствами.

На территории сельскохозяйственных районов обнаружился слух, способные в ничтожный исторический срок вынести деревню из средневековья к социалистическому будущему.

Уже существуют

Море сплошной неразгороженной земли! Разве оно не должно вывернуть наизулку всю природу сельского хозяйства?

Но как? С какого бока начать? Если бы было время, пригодилось, собрался с мыслями. Но какое там! Два успели косяк приспособиться к одному гигантскому кохозу, как все плыли дельца к чорту, потому что разрыв захватывал новые тысячи гектаров земли.

Что же—только пахать их, как прежде? Трактор. Хорошо, но разве один трактор может делать революцию всего хозяйства? А ведь нужна именно поляна, невнятная революция. Обедненная земля требует того, чтобы вся система сельского хозяйства стала новой.

Тогда в Москве впервые прозвонено было новое слово:

— Агроиндустриальный комбинат.

Не успели еще в центре теоретически наметить черты новой хозяйственной еди-

ницы, как с'ехалось со всех концов Союза люди из районов сплошной коллективизации и заявили:

Комбинаты уже существуют. Слушайте.

Озадачено слушаем

Существуют отдельные хатенки. Рядом с хатенкой стояла корова. Корову выдавали. Получалось несколько криков молока. Корову разочарованно уходила обратно на кору жевать траву. Хозяева ее были индими. Это—старая деревня.

С уничтожением заборов корова сбегалась в одно общештабное стадо. Получалась огромная шестнадцатилетняя фабрика молока. А раз фабрика—давайте

Жалкая арифметика старых хозяйств беспощадно раздвигала комбинатом. Теперь, если холодильник,—так самого усовершенствованного промышленного типа. Если мельница, так одних оттодов для животноводства она даст до 800 вагонов в год. Молочный завод должен превращать в сыры, масло, сливки 400 миллионов литров молока. Бесконца фабрика будет лить дело со 100,000 галлонов сливок. Инкубатор должен расходовать свое механическое тепло на выращивание скоромной цыплячьей семейки в 2 миллиона яиц единовременной закладки. Рядом—убойный зал для битой птицы. Рядом—механические мастерские. Гараж. Центральное депо тракторов. К периферии комбината—лучи гидроинвентарных шоссе.

Рис. В. ЛЮДИНА

Общественное питание в кохозе

слова электричество! Электростанция. Коллективный скотный двор. Механизованная фабрика по переработке молока в сыры, масло, сливки.

Появляется на свет крупный центр аграрной индустрии. Из Каширы в Москву через 125 километров начинает фонтанировать 125 миллионов литров молока в год. Это—новое сельское хозяйство. Это—агроиндустриальный комбинат. Это—необычайный взрыв эффективности сельского труда.

То количество молока, которое теперь с величайшими трудностями приходится собирать из тысяч мелких худосочных хозяйств, без всякого напряжения, с точностью машины будет давать один Каширский агрокомбинат.

Чикаго в Балаане

Нижняя Волга. Балаанский комбинат. Деревня изохладила терит свой прежний облик, вдохновивший меланхолических художников своей безнадзорной нищетой, и становится электрифицированным, механизированным крупным агроиндустриальным центром.

В деревне появляется машина. Машина будет перерабатывать корову, бекон и птицу в молоко, мясо, яйца.

Попробуйте узнать во всем этом старую деревню. Где теперь найдете тему для меланхолического пейзажа?

Наконец, для выщипывания убеленности—еще одна цифра. Теперь 4 миллиона пудов масла, необходимого стране, скривия и тужась, дают 7,000 мелких предпринимателей, разбросанных по всей территории Союза. Заменяя эту хаотическую сумму 20 крупными механизированными заводами, комбинаты бросят в города и в триемы пароходов 320 тысяч тонн масла. Но молочные продукты—только часть общей продукции комбинатов. Кроме них поезда, пароходы, грузовики вывезут к городам мясо, хлеб, крахмал, консервированные фрукты, хлопков, кислые консервы, сахарную свеклу, пшатуку, продукты второстепенного экспорта.

Все это—с помощью машины и электрической энергии. Крестьянский труд становится трудом индустриальным. Колхозник в комбинате начинает работать так же, как работает в городе на заводе.

Социализм—не только для наших детей

Возрванные заборы открыли путь к полной передаче старого, темного, «мужичьего» быта.

В Лихославльском районе на дачах вышли в поля землемеры.

Одновременно с этим представителю района на совещании в Кохозцентре, внезапно вдохновившись, заявил:

— Наши крестьяне думали, что социализм—это для наших детей. Но вот оказывается, что социализм тут, перед нами, рядом.

Лихославльский комбинат закладывает новый социалистический агрогород. Уинтожается расселение крестьян по деревням. Через четыре железноорочные станции района прокладываются четыре социалистических улицы. Несколько десятикометровых участков раздвигаются каждый на четыре цеха. В центре каждого цеха—жилище, клубы, школы, театр.

От центра к рабочим службам, скотным дворам, фабрикам ведут шоссе. Два раза в день автомобили будут возводить от цехов к центру и обратно рабочие бригады. Так как труда механизированы, каждая бригада будет насчитывать не больше 15—20 человек.

Так крестьянин раз и навсегда перестает быть крестьянином и становится рабочим кохозной сельской индустрии.

Постановлением Совнаркома в этом году будут созданы первые 30 локальных агрокомбинатов.

Земля вышла из берегов, затопила прошлое деревни и вынесла деревню к будущему.

НА ПИК ЛЕНИНА

А. Бархам

Из дневника участника Памирской экспедиции

фигуры. В черных, слегка раскосых глазах кара-киргиз светлится интерес и уважение к человеку, имя которого связывается с новой жизнью на севере. Потом Тахташ помогает мне тщательно упаковать обувь и снова уложить его в вешевый мешок.

Тахташ, вместе с двумя товарищами отправляется вместе с нами вверх, чтобы помочь устроить базовые лагеря. Они ботачи, уважают за скотом богатых соседей. Никакой платы на руки они не получают, все идет в возмещение долга. Когда затанцевается суровая зима—кончается мука, поедается запасные сырки, голод начинает угрожать беднику. И начинается памяничество в богатым киргизам. Те оказывают помощь охотно. Но... за одну пригорню муки требуют потом две. А прочее всего—отработано.

Тахташ хотел бы жениться, но прост большой калым: трех яков и двух лошадей. Вся его семья не имеет столько. Говорят, что калым отменен уже на севере, за двумя хребтами, но здесь старые законы строго охраняются стариками. И вот киргизы идут с нами, чтобы немного заработать на женитьбу.

Труден наш путь. Крутые склоны, бурные реки грозят гибелью на каждом шагу. Мы уже потеряли на перевале одного товогарда—геолога Рогова. И сейчас, того и гляди, свернешь себе шею.

Впереди всех пробирается наша горная разведка, изучает путь, прокладывая тропу. За разведкой следует основное ядро экспедиции. Геологи откалывают своими молотками куски золотосодержащих руд и отправляют их в походную лабораторию на исследование. Кусок за куском зарисовывают маршруты топографы.

Нам встречаются каменные бараны—архары, с громадными рогами, попадаются кин-кин—дикие козы, бегущие крутими скал. Улары—дикие индейки—неуклюже переваливаются и испуганно квохчут, стараясь безуспешно уйти от охотника. Улары могут лететь только с высоты, но, если вылет улары, эти неуклюжие птицы стрелю разрезают воздух и быстро скрываются в синеве небес.

Бюст Ленина поручили нести мне. Я должен передать его товарищу, который сумеет выше меня подняться на пик. Двенадцать дней шла мы в горной разведке, прокладывая путь. Закончив основную работу, спускаемся вниз. Нужно встретиться с геологами, договориться о дальнейшем плане передвижения. Нам предстоит пойти тропой вверх, в область вечных снегов. Надобно потерять связь с остальными товарищами.

И вот мы уже внизу. Торопимся попасть на основную базу геологов, на заброшенный золотой рудник Дяргучек, единственный на Памире.

Последнюю часть пути делим мы на лошадах. Застает ночь. Но мы надеемся на инстинкт киргизских лошадей, выросших в горах. Вот—крутой спуск со склона хребта

в ущелье. Я знаю это место. Здесь тропы не шире колёта. А сорваться—попасть как заяц. Но лошади слушаются благополучно. Вот мы уже внизу, где ревет горный поток. Переправа—и потом путь тропы вверх.

Мои лошади идут вперед. Темно, ни зги не видно. Дожеря инстинкту коня. Лошадь карабкается куда-то, затем... в нерешительности остановилась. Понукао. Конь поддается валею и начинает куда-то спускаться, вернее сползает по крутому склону. Неожиданно он сворачивает, спускается дугу, и я уже лечу вместе с ним вниз головой. Отталкиваясь от лошади и, переворачившись в воздухе, падаю вниз на камни. Слышу, что-то хрустнуло в спине. Неужели сломал себе позвоночник? Медленная, неприятная смерть! Осторожно начинаю двигать ногой. Сильная боль в спине, но конечно-но поднимается вода. Звучит центральная нервная система не парализована. Позвоночник цел. Встаю и с трудом двигаюсь дальше.

Утром узнаю причину хруста: расколосился хребет Ленина. Хорошо, что гипс не раздробился. Скорее всего провалится трещина.

Медленно шли мы на штурм Заалайского хребта. До верхней части ледника сопроводжали нас Тахташ и два его товогарца. Почти полностью заставили мы их одеть шерстяные ошмечки-ошмечки. Без них можно было бы одолеть путь от сверхающего снега и льда.

Двое киргиз вместе с другими нашими товогарцами заблуждены горной болезнью. Остается один только Тахташ. Долго он шел с нами. Но когда в верхней части ледника встретили нам землетрясение, когда крепкий снежный покров треснул и лед, и скалы, и валаи в тумане исчезли последние признаки земли, исчезли горные дуги, Тахташ не выдержал. Он расклакался навзрыд и заявил, что дальнейший путь для него хуже смерти. Долго уговаривали мы киргиза; он успокоился только тогда, когда поставили для него палатку и сказали, что никто не заставляет его идти дальше. Он может вернуться вниз, может подождать нас здесь.

Суровая зима встретила нас при подеме на Заалайский хребет. 20 градусов мороза ночью, а у нас были только палатки из тонкой материи и легкие спальные мешки. Дней приходилось впадать в снегу—жалели, что не захватили шубы.

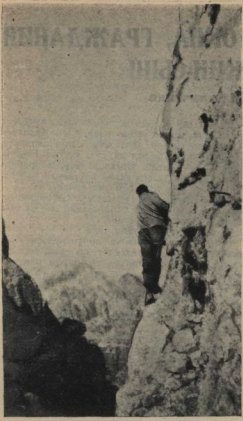
Все выше поднимались мы с каждым днем. Наконец, нас осталось всего четверо. Последние напряжения—и мы на Заалайском хребте, у подножия пика Ленина. Совсем невысоко над нами вершина пика. Здесь оставляю я бюст. Здесь кончаем исследование, так как у трех товарищей отmorожены ноги и нужно скорее спускаться вниз, пока есть еще возможность передвинуться.

Льдом и снегом сменяет над нами вершина пика Ленина, высочайшая гора, носящая имя величайшего из людей.

— В следующий раз мы поднимем бюст на вершину пика. Правда?

— Ну, не мы, так последующие товарищи!

С этими словами начинаем мы спуск вниз.

Опасный момент

— Бумед! Тахташ отрицательно машет головой. — Ленин!

От сильного порыва ветра хлопает шивонка, заменяющая дверь в юрте. Каубы пыли несутся сверху, с перевала Терс-Агар, окутывают на мгновение юрту и широким облаком спускаются по крутому склону вниз, к небольшой долине Аштан-Мазар, где стоит несколько киргизских зимовок.

Мы отдыхаем, беседа с кара-киргизами. По юрте в беспорядке разбросаны ящики и мешки—имущество нашей экспедиции. Терс-Агар—дверь на Памир. Здесь наш первый базовый лагерь. Дальнейший путь будет во много раз труднее. Мы идем тремя группами—геологи, топографы и альпинисты—исследовать Белое пятно—районеры Саук-Сая.

Геологи будут искать золото, топографы составлять карту этой неисследованной области, альпинисты обследуют верховья Саук-Сая, пройдут по ледникам на Заалайский хребет, до самого пика Ленина.

Я достаю из вещевого мешка бюст Ленина и показываю киргизам. Бюст мы захватили, чтобы воздвигнуть его на горе, недавно получившей имя вождя мировой революции.

Тахташ неграмотен, он никогда не был на севере, за двумя горными хребтами. Кара-киргизы кокуют в ущельях горных хребтов Памира. В уходе за косматыми яками, меланхолическими верблюдами проходит их жизнь. Скот—все их средство к существованию. Яки и верблюды дают молоко, сыр, мясо, дают одежду. В обмен на шкуру кара-киргизы достают яменную муку и несут из нее лепешки. Советская культура не коснулась их, эти кочевники пока незнакомы во власти суровой природы и старого богатого уклада, строго охраняемого стариками.

Сюда за Терс-Агар приезжали иногда кавалерийские разведки. Среди красноармейцев встречались киргизы. Они рассказывали о жизни на севере, рассказывали, что теперь у власти беднота, что земля и скот отняты у богатей, распределены среди бедноты. Особенно поразили Тахташа рассказы, что молодой киргиз может даже сделаться «большим начальником». Красноармейцы рассказывали о революции и часто упоминали имя Ленина. Тахташ тщательно вытер руки о полы халата и осторожно взял в руки гипсовую

Памятник Ленину в Хорге на Памире

Рис. М. КРЕМЕНСКОГО

Оппортунизм. — Да ведь и мы это предлагаем. Пусть он вратает в социализм.

Зуйкин напряженно смотрел в окно. В конце кривой деревенской улицы показались группа людей. Люб Зуйкина принял к потному стеклу. Он сосредоточенно всматривался в идущих с красным знаком знакомых ребят из своей ячейки.

— Один, два, три... Все девять! Остальные беспартийные... Несколько делегатов-крестьянок... Так! Андалова—молодец!

Нестроено шагая, группа проходила мимо школы, завернула за околицу, направилась в соседнее село Анаево.

Зуйкин вскочил со скамейки, схватил полушубок, одел его в один рукав, торопливо хлопнул дверью. Но потом вернулся, зашел по комнате из угла в угол. Скрипели половицы.

— Может быть, что-нибудь вылезет! Может, вылезет! Ах, если бы вылезло!

Когда-то в этих местах подыхало зарево пожаров. Вспыхивали и беспощадно раздвигались кулацкие восточные. Люди с каменными лопатами через плечо, приходили, стуча прикладами, в дом эсеропримешенника Родиона Лоханова со строгим словом:

— Контрбуржуа!

Родной блудец, мясца, растерянно метался по комнате, но уплывал — зерном, золотыми вещами и кредитками. А потом разговаривал с местным «отбояшкой» Виктором, с церковным старостой Тазимом, с кулаками, раздвигая дельца, подушавшая на борьбу с неизвестно завязевшей отсюда бедой, с «антихристом» и голодраницами.

Прошел десяток лет. «Ибнтенные случайно уехали. Уехали и ночью», десяток лет спустя, попытался поднять голову.

Играя на темноте мордовской деревни, эти последние старой деревни орудовали против нас. Они подожгли свои силы местными личностями: Марковым—кулак и мельник теперь, полицейский — в прошлом; Мазиным—кулак и псаломщик, в прошлом тоже полицейский.

Черков и мельница стали штабом их «риботы».

«Почетную роль» в первом штабе играл поп Виктор.

— Жалуюсь, прихожанки, жалуюсь на из-

ОТойДИТЕ ОТ ОКНА, ГРАЖДАНИН ЗУЙКИН-СЫН!

С. Колесниченко

логи. Невозможно жить стало! — вот непрерывное содержание его дерзковых проповедей.

— Помощи и защиты жмет от нас пастырь ваш,—напугивал он земных мордочек.

— Власть такую терпеть разве можно?—Он поднимал руки к церковным сводам.

С паперти выступали затем «очередные ораторы»—Тазим, церковный староста Трифон Тазин говорил против хлебозаготовок, его речи продолжал председатель церковного совета Семен Тазин.

Они составляли на заседании церковного совета «прорения» о снятии с попа налога, повеси религиозных женщин к сельсовету, иступательные фанатики едва не избили встретивших их сельсоветчиков.

Мельник Марков был зверевцем для бедноты. Не раз приходилось «несамостоятельным» мужикам терпеть побои Маркова. Он злобно кричал присяжникам с мешками беднякам:

— Становись, голодранице, в последнюю очередь! Не вступайте вы, сволочи, перьями!

Мельница, как и черков, служила очагом самой гранной клеветы про сельских активистов, про советскую власть и ее мероприятия.

На сельские собрания приходил и сам Лоханов. Он садился в угол, чадил махоркой, вставал потом на скамейку и кричал из-под потолка и коптеял на слова дьяна:

— Хватит, потерпели! Попадетец вы нам! Сельсоветчик, поступайши однажды в дверь лохановского дома с повесткой, был затравлен его собакой, и с кровными лопотами на ногах приседал обратно.

А теперь они сидят рядом на одной скамейке. Друг за другом встают они и отвечают на вопросы суда. Идет допрос участливого контролеподчиненной группы кулаков деревни Промзино на заседании суда в районном селе Анаево.

Рис. КУКРЫНИКСЫ

...Молодой Зуйкин не пошел сюда вместе с промзвинскими комсомольцами. Он ждал результатов своего дела дома, сурово папиросу за папиросой, шагая из угла в угол. Группа пришла в Анаево. Остановилась, подравняв рады. Несущего зная поставили вперед.

— Теперь к суду! Там уже началось.

У суда столпились крестьяне. Стоявший на крыльце милиционер равнодушно смотрел на приближающиеся шествие.

— Постойте! Я пошел туда.

Комсомолец Андалова протиснулся вперед, подошла к председателю суда, подала ему записку. Он прочел ее, потом перечел еще раз, нахмурился, вскинул глаза на Андалова.

— Вы это что? Идите-ка пока в райком, черт возьми! Понимаешь, в райком!

Андалова протискалась обратно, сошла со ступенек.

— Что ж, айда, ребята, сначала в райком! В райком промзвинские комсомольцы, перебивая друг друга, кричали:

— Ты не спрашивай, зачем пришел! Сам мы знаешь! Требуем освободить их! Они не виновны!

— Кто виновны?

— Вы те мужики. Там, на суде. Мы требуем освободить их! Затем все и пришел сюда! Смотрите, мы не одни. За нами беспартийные.

Как же случилось это? Как случилось, что комсомольцы промзвинские, черкы, Молодской области, пошли к зданию суда с красным знаменем ходатайствовать за виновного кулацкого врага?

На общей скамейке с контролеподчиненными сидит и старик Марк Профкофьевич Зуйкин. Дряблая фигура, согнутые плечи, трясущие губы опустившегося алкоголика.

— Старый промзвинский учитель—стал идейным враждебником кулацкой группы.

За бутылку самогонна водохлопотно сыгнал он кулакам заявления, прошения и ходатайства. Он выступал, подталкиваемый ими, на собраниях против хлебозаготовок и сельхозналога. Он взял на себя от кулаков mission убраться председателем сельсовета.

Когда однажды вспыхнул в Промзине пожар, достаточно было маленького намек старому Зуйкину на назначенную жертву, чтобы озверевшая масса чуть было не устроила самосуд над председателем сельсовета.

— Это ты поджог, сволочь несчастная!

Но когда самосуд не состоялся, Зуйкин добился цели двумя маневрами:

— Надо переизбрать председателя за халатность в работе по пожарной охране.

Наполненные злодейскими собрания поддержало Зуйкина, и председатель сельсовета, коммунист, был снят с работы.

Зуйкин-сын, комсомолец, тоже учитель, переход в промзвинской комсомольской ячейке, знал про отца все. И молчал, сочувствовал. А когда началось следствие по делу всей группы, Зуйкин от сочувствия перешел к действиям. Он начал кричать:

— Я—сын, а сын должен стоять за отца!

Самозовне, не спросив никого, Зуйкин созывает бедняцкое собрание, грозит беднякам штрафом за неявку.

На собрании он говорит прокуратно и горячо:

— Нельзя допустить, чтобы страдали невинные. В чем виноват мой отец? Вся его вина в том, что он бедняк. В чем виноваты другие? Они невинны. Станем на их защиту.

Зуйкину удалось «обмануть» бедноту. Собрание приняло постановление:

«Требуем всем бедняцким собранием освободить невинных».

Постановление было переписано на многотысях листах. Всюду козырял им Зуйкин—в райкоме, в райисполкоме.

Еще раз созывает он бедническое собрание и устраивает инсценировку. В разгар собрания, по поручению Зуйкина, три комсомольца вместе с кулацкими сылками врываются в помещение и срывают собрание.

Зуйкин опять в райкоме и в райсплокомме:

— Глядите, что делают кулаки. Вот кто замарывает невинных людей. Вот кто против партии! Вот кто срывает беднические собрания! А те не при чем.

И когда затеи Зуйкина сорвались одна за другой, когда ему не удалось спутать следствие, когда все-таки был назначен суд и определен день его начала, Зуйкин придумывает последний прием. Он зовет к себе соучастницу, комсомолку-женорганизатора Андалова.

— Слушай, Андалова! Надо выручать. Помогли!

— Как сделать? Я могу.

— Мне самому нельзя. Сразу поймут. А тебе можно. Организуя что-нибудь в роде делегации. С флажком и прочее... Андалова выполнила поручение. Зуйкин смотрел в окно, как оно выполнялось.

Процесс кончился. На слезы прозисских комсомольцев никто не обратил внимания. Контрреволюционеры были осуждены по заслугам.

Но «комсомольская» ячейка катилась дальше, все ниже, все глубже, в болото предательства. На другой день после суда «комсомольцы», под руководством Зуйкина, выпускают вперые в Промизне стеногазету.

— Не врите меня, — выспренно предлагает передовая этого кулацкого листка. — Я раскляжу все плохие дела деревни: о плохих людях, виноторговцах, взяточниках, бюрократах. Если и меня (газету) изорвет и не дадите правильно проводить работу, то мне тоже придется идти в Анзавол! Полузагадочная фраза, но с простым смыслом. Она рисует кулаков, поведенных на суд в Анзаво, как борцов за справедливость, клеветает на тех, кто осудил их, и берет продолжать дело наказанных контрреволюционеров.

А внизу листка, во всю ширину стеногазеты выведены анишлагом слова Пушкина из стихотворения, посвященного декабристам:

Во тугубию саборных руд
Урайте гордые черепья,
Не пропадет ваш геральд...
И дум высокое стремленье...

События в Промизне — тяжелый, но поучительный урок того, в какое отвратительное предательство, к какой подлой классовой измене может скатиться комсомольская ячейка, если она начинает загнивать в оппортунизме. А загнивание это, а промизновской ячейке было налицо задолго до этих событий. Она почти все время стояла в стороне от классовой борьбы, не замечала кулаков и их действий, считала их «хорошими мужиканья», не установила в классовой борьбе вокруг хлебозаготовок, сель-

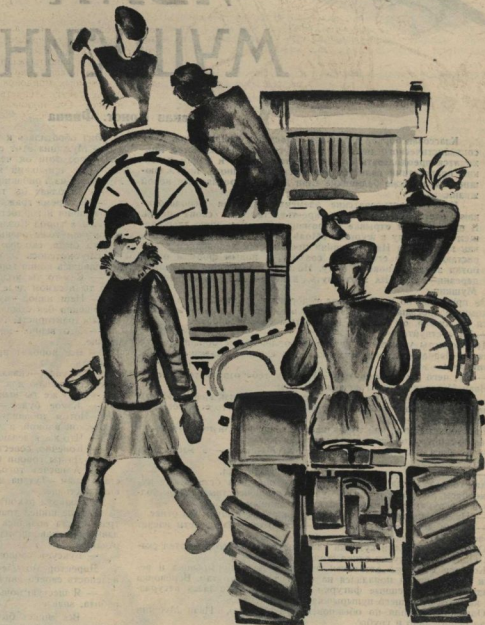

Рис. Б. ПРОРОКОВА

хозналога, вокруг сельсоветов. Она представляла из себя оппортунистически загнившую клетку комсомольской организации, итог неинтересно привел ее к поступку, который иначе как контрреволюционным шагом назвать нельзя.

Рис. Д. МООРА

Ракуученные! — Что ж нас не слушаете? Мы всей душой за колхоз!

Сейчас, когда мы подошли вплотную к выкорчевыванию корней капитализма в сельском хозяйстве, когда масса деревенских комсомольцев становится в первые ряды борцов за колхоз, за социалистическую переделку деревни, события в глухой мордовской деревне Промизно зовут нас к еще большему повышению классовой боспособности, к еще большей энергии в борьбе с правым оппортунизмом на практике, к еще более усиленному разоблачению и беспощадному изгнанию из комсомола агентов классowego врага.

Вещно сопротивляясь мощному натиску социалистического наступления, враги стеногазеты хотят использовать против нас наше же оружие. Смотрите, как использовал Зуйкин группу белоты, как он инсценировал срыв беднического собрания, как он стал «боротью» с бюрократизмом в стеногазете.

К повышению классовой боспособности зовет нас предательство промизновских комсомольцев».

— Отойдите от окна, гражданин Зуйкин-гин! В Промизне, как и повсюду, организуется колхоз, и это зрелище явно порчит вам нервы.

ИВАН МУШКИН

Рассказ Конст. Финна

Классовая борьба в деревне—яростна и ожесточена. Делу социалистического переустройства сельского хозяйства приходится преодолевать огромные препятствия, и одним из таких препятствий является невежество и темнота, побуждающие иногда даже величкие слои деревни противиться новой жизни.

Конечно, антисоветские элементы деревни используют отсталые настроения крестьянства для своих целей. В приведенном отрывке из романа «Лицом к лицу», выходящем в 1930 году в журнале «Молодая Гвардия», показывается, как крестьянин Иван Мушкин проносится несомненно к возрастающему на его глазах союзу, к новым формам обработки земли, к новому быту. Но путь пролетария и бедняка деревни—один. На этот путь, в конце концов, становится Мушкин.

Он пришел по утрам, стоял у порога и ждал. Когда в соседней комнате проснулись трактористы и вывели полудожденные умяться на кухню, он говорил глуховатым своим голосом:

— Здравствуйте.

Трактористы умылились шумно, торопливо и не обращали внимания на Ивана Мушкина. Кухарка была сурова и задумчива. Она спрашивала:

— Ну, чего ты ходишь, чего? Газа у тебя отвратительнее...

Иван Мушкин отвечал ей как раз:

— Дело тут не в газах. Это что же... Газа как глаза.— Потом добавлял:—Я пришел небось в гости, ваш совхоз—это есть сосед нашей деревни.

Трактористы шли чья торопливо. Колбасы резали так, что получались куски не колбасы, а пыжащегося мяса.

— Колбаса небось дорогая,—говорил Мушкин,— в настоящий момент.

— Ну, чего ты пришел, чего?—кричала кухня.

Как-то раз, когда трактористы ушли, она дала оставшимся кусок колбасы Мушкину. Руки у Мушкина были черные. Кусок колбасы в его руках стал маленьким и деревянным.

— Ну, что мнешь?—спросила кухарка.— Детшкам бы отнес.

— Наши дети насчет колбасы,—сказал он.—Наши дети насчет колбасы.

Он не договорил, и кухарка так и не поняла, что он хотел сказать. Однако колбасу он отнес домой.

Колбасу сели, но остаточек от нее в виде пупырышка и веревки долгое время попадался на глаза то тут, то там. Веревочка укладывалась в смешные фигурки по-разному и казалась несурзным хвостом засохшего пупырышка. Дети смеялись.

Однажды, придя по обыкновению на кухню, Иван Мушкин сказал решительно и грубо:

— Ничего не выведет,—уверю.

— Ты это о чем?—спросил один из трактористов.

— Вполне ясно,—

сказал Мушкин.— Ничего у вас не выведет. Что задумали—человека ликвидировать, мужика отменить. Тут на тыщник берет один только мужик живет, истинный мужик, а вы его... ликвидировать. Смех...

— Сволочь ты,—сказал один из трактористов.— Ну, зачем ты тогда сюда ходишь?—Зачем, спрашивается?

Хожу для собственного своего успокоения и интереса,—отвечал Мушкин.

— Вот у тебя погоно,—сказала тогда кухарка.—Людя, пришедшие из города для того, чтобы заниматься своим делом, а ты их пугаешь. Люди могут подумать, что ты дезидий.

Она обратилась к трактористам.

— Мужичина этот совхозу совершенно не принадлежит,—сказала она,—прохожий он человек.

— Не прохожий я, а из Грибакина,—сказала с достоинством Мушкин,—из Грибакина, где имею полное свое хозяйство.

— Помогал бы ты,—сказала кухарка.—Бессостный.

— Во время гражданской,—сказала Мушкин тем же самым тоном безразличия и гордости,—был призван в ряды Красной армии и отправлен в город Колызов. Хорошее обмундирование было получено, и кормили тоже очень здорово. Колбасы этой, к примеру, сколько угодно было, сколько влезет.

— Ему хотелось многое сказать еще, но трактористы ушли, не дождавшись конца горделивой его речи.

— Сам-то ты колбасы,—сказал один из них, когда уходя.—И чего ты в самом деле хочешь?

— Наш народ—мужик,—сказала кухарка,—без стыда,—ну вот, совершенно без стыда.

Но трактористы были уже далеко и не слышали ее слов.

— Это верно,—произнес Мушкин.—Наш народ без стыда, это вполне.

— Все народы пролезть куда не следует, рыло свое торопливо показат.

— Я уйду,—сказал Мушкин.—Но вы не правы, совершенно. Я хожу специально для выяснения.

— Что же ты выяснешь? Какое может быть здесь выяснение?

— Какое будет,—сказала неопределенно и таинственно Мушкин.—Потом добавил:—Сами вы, Мария Анисимовна, являетесь грибакинским вдовой, а делаете что!

— Что же я делаю?—спросила она.

— Конечно, совесть можно похоронить. Это легко.

— Да ты говори насчет чего ты, насчет чего?

— А насчет того, что здесь мужика ликвидировать.—Лицо его стало злым.—Тут на многие версты один только чистый мужик. Эх вы, крестьяне...

Он махнул рукой и вышел из кухни.

В поле шел трактор. Он буксовал и не двигался с места. Оба тракториста возмущались около него. Директор совхоза Мотылев, недавно приехавший из Москвы, был тоже здесь. Трактор дергался отчаянно.

— Буксует, сволочь,—сказал со злобой один из трактористов.

Директор Мотылев похлопал рукой по кузову и, чувствуя видную неловкость своего движения, сказал, зачем-то обращаясь к Мушкину:

— Я шестую ночь почти-что не сплю, все работаю,—чортовская работа, знаете.

Все может быть, не спорю,—сказал Мушкин равнодушно и неожиданно резко добавил:—только ничего не выведет.

— Это вы о чем?—спросил, недоумевая, Мотылев.

Тракторист, высокий и худой, крикнул злобно:

— Чорт парнивый, под руку говоришь... Лев Сергеев,—крикнул он Мотылеву,—да гоинте его... Он к нам каждое утро ходит, сволочь поганая, все каркает... Да что же это такое, в самом деле!

Он подскочил к Мушкину и ударил его по спине. Он видно хотел избить Мушкина, но удар сокосильным, почти добродушным. Это оставило тракториста. Выйдя б удар сильным и злым, тракторист ударил бы еще раз Мушкина, может избил бы его. Теперь же тракторист бросился к трактору. Трактор пымлет и вырывается.

Трактористы умылились шумно...

— Буксует,— крикнул тракторист злобно и бешено. Он скинул с себя кожаную куртку свою и бросил под колесо трактора. Он толкал изо-всех сил трактор.

— Валяй, валяй,— кричал зачем-то тракторист, сидящий в седле. И вдруг трактор подпрыгнул и задычался. Тракторист и Мотылев побегали за ним. Мотылев остался один. На земле валялась разваленная, изорванная кожаная куртка.

— При немении товаров в этом районе все-таки жалко,— сказала Мотылев, возвратившись.

Он поднял с земли изорванную куртку и с безнадежностью бросил ее обратно.

— Жалованье получить—купит,— сказал Мотылев.— При жалованьи куда какая легкая.

Он пошел по направлению к Грибакину.

— Слушай,— крикнул Мотылев,— слушай.

Мотылев остановился.

— Приходи сегодня на собрание.

Мужики пошли дальше, не оборачиваясь.

— На собрание, посвященное Октябрьской революции,— кричал Мотылев.

Марья стояла на крыльце кухни и, когда Мотылев проходил мимо, окликала его.

— Ну, чего тебе?— спросил он недопно.

— Дядя Иван,— сказала кухарка, она говорила теперь почитительно и тихо,— дядя Иван, вы хозяин в Грибакине, крестьянин.

— Ну, чего тебе?— спросил Мотылев ласково.

Она сказала совсем тихо:

— Как же так, чтоб мужика ликвидировать, как же?— И вдруг неожиданно всплеснула руками.

— Мыльные вы мои, родимые вы мои,— сказала она нараспев, что предвещало близкие слезы.— А я-то гляжу на них, в фуражках, с молоточками, все из себя чистенькие, вежливые и бьетса мое сердце, понимает оно, что не для хороших дел они сюда приехали.

— Бьетса мое сердце,— повторила она уже со слезами,— и все оно чует. Каждый день, каждый день оно чует, белое сердце мое.

Ей стало почему-то очень жаль себя. Вспомнилась грибакинская еще вдовья изба, теперь залоченная. Лапот, брошенный в углу в пыль, и запустелый, предсталса почему-то. И еще от трещины в стене, брошенный рядом с лапотом, в залоченной избе, предсталса также. Вспомнился колосок грибакинский и темные тропинки от него по снегу во все стороны. И еще что-то такое вспомнилось, что ни к тропинкам этим, ни к колоску отношения не имело, но было ужасно каким быстрое, своим и жалостливое. Она даже не поняла сразу, что же это такое. Но тут же ощутила, что это непонятное крепко связано с тем самым в ее избе местом, где стоял когда-то деревянный ящик, покрытый салфеткой, на котором зеленело каменное яйцо, разложенные были фарфоровые облатки, живые цветы и мертвые фотографии. Она плакала. Она понимала, что это больше уже никогда не вернется.

— Ладо, ты,— сказал Мотылев,— ладо.

— Лапают,— произнесла она сквозь слезы.— Каждый норюпит. Все из себя чистенькие, фуражки с молоточками. И чего—оставьте, как вам не стыдно, имеете хорошее образование. А они,

— Ладо, ты,— повторил Мотылев и пошел крупным шагом в Грибакино.

В избе его было тихо и душно. Темнело. Он зажег лампу. Тени ползли по стене и, не уместившись, ползали на потолок. Тени сбросили таракана с потолка. Таракан ползла по столу. Мотылев хотел хлопнуть его, но промахнулся, а вместо таракана захватил остаточек кобаса, пупырешек с веревкой. К веревке была привязана теперь длинная мочала.—Играют,— подумал он про детей,— играют и забавляются,— и ему стало жалко своих детей. Он оборвал

мочалу, потом веревку и пупырешек выкинул в окно. Окно было черное и глубокое. В это окно можно было выкинуть миллионы пупырешек, миллионы веревочек и все равно не наполнить было бы темноты. И притом здесь дело совсем не в темноте и не в окне.

— А в чем же здесь дело?—спросил себя Мотылев, по ответу не смог.

Он пошел в совхоз. В доме, где помещался клуб, горел огонь. Собственно клуба еще не было. Он был не готов, по красной материи и огни делали этот дом торжественным. Народу собралось много. Смайкем не хватало для всех. Мужики протискивались вперед.

— Куда ты?—спросила его с неудовольствием незнакомая женщина.— Вперед всех хочешь идти?

— Садитесь, дядя Иван,— сказала Марья, прижимаясь к незнакомой женщине и освобождая место на лавке под себя. Тут же появилась незнакомая женщина:— Наш грибакинский хозяин, самостоятельный человек. Мыслими очень мучается.

Оратор ходил по сцене и говорил:

— Октябрь— это вопрос буржуазии, всей мировой буржуазии.

— И мстевой,— крикнул чей-то голос.— Проси не забывать.

Марья с презрением поглядела на кричавшего.

— До чего беспокройный народ,— сказала она Мотылеву.— Ну, чего, кажется, пришел, пустяки тебе и слышны, надо себя обязательно показать. Ах, народ.

— Это от скуки,— сказал Мотылеву убежденно,— потому интересного здесь ничего нет. Все обыкновенное.

Мотылев сказал это нарочито громко. Кругом зашпикали.

— Ничего интересного,— повторил Мотылев, не обращая внимания на шпикале.

Первого оратора сменил другой. Это был агроном. Он всегда говорил тихим голосом, а теперь зачем-то кричал неперытно. Все прильнули к нему, что агроном—тихий человек, и теперь с недоумением гадали на него.

— Трактор сам по себе—это пустяки,— говорил агроном.— Т. е., конечно, не пустяки, но

по сравнению с другими машинами..

Мотылев ехидно, зло и громко сказал:

— Скажите пожалуйста, по сравнению,— и засмеялся.— Это что же такое?

— Тише,— крикнул чей-то голос, что за безобразия. Слова агронома приковали неожиданно его внимание.

Агроном говорил: такая машинизация и обработка вполне показывают бессмысленность крестьянского труда в том виде, в каком он имеется.

— Как?—неожиданно и громко спросил Мотылев.— Как это вы сказали?

— Показывает бессмысленность крестьянского труда,— повторил агроном.

— Крестьянин за кусок хлеба борется,— крикнул со злобой Мотылев. Крестьянин куска добивается.

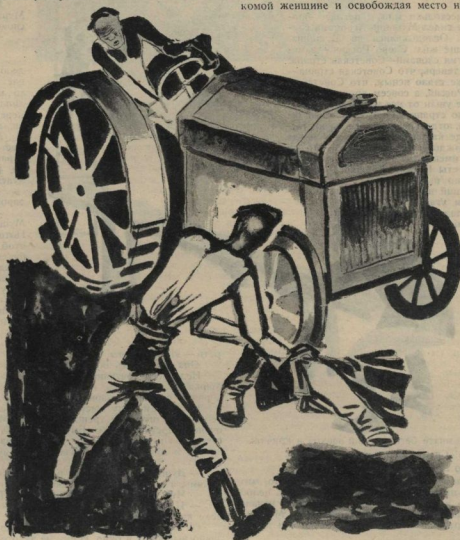
— Не отрицаю,— сказал агроном,— но прошу меня не перебивать.

И опять все зашпикали на Мотылева, и опять кто-то строгий пригрозил вынести.

— Я сам уйду,—сказал Мотылев.— Ничего интересного вовсе нет. Но однако не успел, а остался сидеть.

— Мы теперь закупили новые машины,—говорил агроном,— эти машины называютса комбайнами. Эта машина вяжет, жнет, молотит, дает готовое зерно.

— Как?—почти шопотом спросил Мотылев, но в тишине его голос был внятно слышен.

Он скинул куртку и бросил под колесо трактора

— Дает годовое зерно,—повторил агроном.—Уж тут кто же усвоится в том, что крестьянство бесцельно обрабатывает свою землю.

— Молотит?—спросил Мушкин также шопотом.

— И опять был внятно слышен его вопрос, и опять ответил ему агроном утвердительно.

И вдруг Мушкин забился и закричал:

— Пропала Россия, пропала, ребята, Россия!

Крик его был оглушительный, реальный.

— Погибла Россия, погибла...

Нельзя было разобрать теперь, плачет он или стонет. Его подвинули и посадили на лавку. Все отступились от него. Он всхлипывал. Глаза его были сухи и строгли.

Он спрашивал тихо:

— Где же Россия, а? Где же, ребята, Россия?—потом замолчал.

Агроном говорил еще несколько минут, пугливо бросая взгляды на то место, где сидел Мушкин. Агронома слушали теперь невнимательно. Оглядывались на Мушкина. Крик — пропала Россия — еще жил. Слово Россия — заменено уже давно другими двумя словами — Советская страна. И вспоминали как-то вдруг теперь, что Советская страна — это и есть Россия. Но тут же стало ясным, что Советская страна — это уже вовсе не Россия, а совсем другое. Россия теперь одна и сиротина. Все ушли от нее и живут в Советской стране. На минуту ягало Россия. Россия казалась теперь отдельной территорией, отдельным местом, существующим где-то неподалеку, где каждый жил когда-то и где каждый что-то оставил. И каждый стал вспоминать, что же он оставил на территории, именуемой Россия. И вспоминались какие-то широты, портреты Козьмы Крячкова, доктор земской больницы, постоянно пьяный, Косья Ревунов, снежная половина Грибакина в мутном угаре призыва, и боль на то от удара, не то от отчаяния. Потом вспоминал каждый свое.

— Они! Россию захотели, — сказал высокий и худой тракторист директору Мотылеву.— Вполне понятно, что за этим кроется.

— Да, понятно, — сказал Мотылев рассеянно.

Видно было, что он думает о другом. Он промолчал неожиданно громко, будто бы отвечая кому-то:

— Пропала Россия, какие дикие слова!

А Мушкин все еще сидел на лавке и дрожал. Митинг кончился.

— Кино, товарищи, кино! Специально для крестьянства.

— Кино!—крикнул кто-то Мушкину в ухо.

Крик этот разбудил Мушкина. Ему вспомнилось сразу то, что раз он уже был в кино. Это произошло в городе Козловце. Их целой ротой привели тогда в кино. Картина была иностранная и в начале непонятная. Потом она становилась понятнее и понятнее. Мушкин очень тогда смеялся. Но картина неожиданно оборвалась, и конец ее так и не показали.

Теперь Мушкин вспоминал о том огромном интересе, который возник тогда в нем. Он вспоминал свой гнев на то обстоятельство, что картину не показали до конца. Теперь, сейчас должно произой-

ти то интересное, что происходило тогда в душном кино Козловца. Кино—быстрое слово Кино—жизнь чужая и очень короткая, которую можно подсмотреть до конца. В своей жизни не видя конца и гесс медленню.

Мушкин всколыхнул и сам стал дингать скамейку. Он шел за скамейкой, как за плугом: тап-тап шагом. Юркий шаг, пробега, натолкнулся на него.

— Ты все безобразный!—крикнул он.— Все безобразный!

— Я не безобразно,—ответил Мушкин, и пошел быстрее, и пел.

— Кино, кино!—закричал давхоз, видно забывший, что объявлял это уже раз.— Кино для крестьянства.

Среди присутствующих раздался радостные крики. Кто-то запел:

Как родная меня мать пропела,
Тут и вся моя семья надела...

Весь зал зашел громко, и Мушкин тоже зашел. Он дингал свою тяжелую скамейку и пел.

А в это время на стену прибывали уже белое полотно. Полотно тондело отскакивало и только после нескольких неудач прилипло к стене. И когда оно прилипло, весь зал, как по команде, перестал петь и бросился садиться, занимать места.

Мушкин удалось захватить место в первом ряду, рядом с экраном. Мушкин чувствовал себя радостным. Завхоз натолкнулся на него опять.

— Ты все безобразный?—спросил он строго.

— Я не безобразно,—сказал Мушкин смирно и отвернулся. Потом перешел в третий ряд, чтоб завхоз не увидел его больше. Он с трудом пробирался между плотными рядами, его толкали, а он говорил только одну фразу:

— Позвольте, пожалуйста. Мария следила за ним и, когда он порывался с ней, сказала: — Так значит, хант людей—это ты, а кино чтоб смот-

реть—это опять ты.

Она засмеялась обидным смехом.

Недавнего почтения к нему уже не было. Мушкин заметил, что Мария раскрывалась, глаза ее блещит и плечом она прижимается к ряду сидевшему парню.

В третьем ряду места не оказалось. Пришлось стоять. Уже вспыхивал огонек и трещал аппарат. Мушкину стало как-то сразу очень радостно и тихо. Ему захотелось сказать сейчас что-нибудь степенное и внутреннее, чтобы показать, что и он, Мушкин, понимает и думает. И он сказал стоящему рядом бухгалтеру Трофимову:

— Душно у меня в шабе и грязно. Хотя моется все перед праздниками, а все-таки грязно. Шаба так что ли устроена, уж не знаю.

— Что такое?—спросил бухгалтер Трофимов, не поняв.

— И зачем пускуют сюда детей?—сказал тогда Мушкин,— совсем кинокартина не детям забава.

Он вспоминал избу свою и пупыршишек от колбасы, который недавно выбросил в окно. И ему не захотелось об этом сейчас думать.

— Вот в Козловце,—сказал он,—где и служил в Красной армии... Картина пылала уже по экрану. Трещал аппарат. Плакал ребенок, и испуганная мать его уговаривала...

ГАПОНИДА

На наших снимках представлена серия открыток, широко распространявшаяся в 1906—1907 годах и знакомившая с основными моментами биографии священника Гапона. Сначала Гапон в тесном единении с полицией (градоначальником Фулоном) мочит с трубами рабочие массы, плетом с хоруками и иконами ведет их к царю. Когда после 9 января с него была снята ярост, то рабочая масса ясно увидела, что пона (героя) крепко держат за шиворот охранки. И загадочный Гапон, изображенный вадан на последнем рисунке в виде египетского сфинкса, оказался простым провокатором, за что и был повешен рабочими.

Был Гапон, жил Гапон
И с Фулоном свят был он.

После даруг переменялся:
Агитатором явился.

И прославлен был не зря
В день 9-я января.

А вернувшись вновь обратно,
Стал лукавить непонятно.

И за это преступление
Получил Гапон отпущенье.

СОВЕТСКИЙ

Очерк

Среди различных видов сырья каучук за последние десятилетия занял на мировом рынке одно из первых мест. Это относится и к СССР. Многие отрасли нашей промышленности уже сейчас базируются исключительно на каучуке, как на основном сырье. Он же входит составной частью во многие промышленные товары, стоимость которых — несколько сот миллионов рублей.

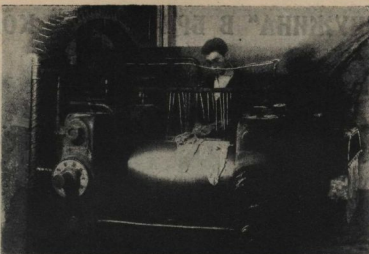
Чтобы ввозить каучук из-за границы, надо затрачивать огромные средства. Поэтому вполне понятно, что открытые жителю Азербайджана и Казахстана растения, из которых можно получить каучук, а также открытие на Украине способа добычи каучука из дикого растения «каспейская карити», явились для нас фактом огромной важности. На международном рынке в данное время идет борьба. В результате захвата пулопрических выделений англичане заняли первое место среди поставщиков каучука, и во время как главными потребителями — около 2/3 мирового потребления — оказались американцы.

Борьба за каучук, в особенности борьба за каучук между Англией и Америкой, с каждым днем обостряется, являясь одним из сильнейших моментов обострения англо-американской борьбы уже за мировой геогенез.

Каучука не хватает. Увеличивающееся потребление его для самых разнообразных целей, в особенности для все возрастающего производства автомобилей, привело к тому, что уже к началу XX столетия в нем ощущался недостаток. А потребность все увеличивается. Хотя использование посевной площади каучука не исчерпано, но уже сейчас можно заключить, что возможная добыча ограничена. Это происходит, главным образом, от того, что в последнее время отпало много проектов относительно заливки каучуковыми деревьями новых земель. Отпал проект о заселении Либерии, проект американского правительства в Филиппинах и, наконец, совсем недавний проект Форда о заселении каучуковыми деревьями больших областей Бразилии.

В настоящее время производятся опыты поднятия плодородности на уже существующих плантациях при помощи методов ботанических методов. Так, например, голландские ученые предложили способ, дающий возможность в сравнительно короткое время отобрать семена будущих высокопродуктивных растений. Этот способ совершенно аналогичен приёмам наших плодовых деревьев. Он делается возможным, спустя 4 года после означенной прививки, получить семена, которые, будучи посажены, вновь дают высокопродуктивные деревья. По тем опытам, которые удалось до сих пор проделать, выяснилось, что этот способ одновременно делает возможным увеличить в два-три раза и выход молочного сока. Таким образом, современная наука стремится путем усовершенствованной обработки увеличить количество и улучшить качество каучука.

Помимо работ по улучшению естественного, ведутся работы по получению искусственного (синтетического) каучука. Но эта работа осталась пока лишь

Завод № 2 «Красный Богатырь» (Москва). Промышля напильном на валльдах

в стадии лабораторной. Переброска их в фабричный масштаб неинтересна, вследствие получения ничтожных выходов каучукоподобного вещества, и к тому же искусственный каучук не может конкурировать с естественным, если не считать выработку эбонита, применяемого в качестве электроизолирующих веществ.

Из всего сказанного понятно, какие огромные перспективы открываются перед нами в связи с возможностью получения собственного советского каучука.

Открытый жителями Азербайджана вид растения принадлежит к роду хондриллы. У этих растений молочный сок, вытекающий из подземных частей, смешивается с почвой и уже из этих образований извлекается каучук.

Хондриллы растут на берегу Каспийского моря. У основания стебля, под песком, поселяются вредители — личинки одной маленькой бабочки. Личинки питаются растительной тканью, но каучук, который они заглатывают вместе с млечным соком, повидимому, не переваривается у них в кишечнике и, выбрасываясь, служит им для образования вокруг собственного тела домика (чехлика).

Лектом рыбных промыслов Карис первый установил, что продукт этот является по своим свойствам каучуком. Грубачи хондриллы были исследованы в лаборатории Резинотреста, и оказалось, что они действительно содержат каучук.

В песках Казахстана растут и другие виды хондриллы, на которых образуются напильники каучука и смол млечного сока. Собранные населением напильны тоже были исследованы в лаборатории Резинотреста. Исследование подтвердило правильность предположений относительно наличия каучука. При этом среднеазиатские напильны дали лучшие результаты, чем азербайджанские.

Напильны оказались состоящими из 80 процентов песка, 16 процентов смолы и 4 процентов каучука. Уже сейчас на заводе «Красный Богатырь» производится чрезвычайно простая и дешёвая установка для очистки напильнов от смолы.

Сейчас в некоторых производствах является возможность этим напильниками заменять каучук. В дальнейшем же работы по

КАУЧУК

Л. Баржаинского

улучшению способов производства безусловно сильно расширит область возможного применения советского каучука.

Сообщение об украинском каучуке связывается с именем молодого инженера Бонивенстоу, родившегося в 1924 года работы по добытию каучука из очень распространенного на Украине дикого растения «каспейская карити».

Об этом растении, известном в народе под названием «кастошень», или «вагончик», имеется большая исследовательская литература, но только в области получения из него каучука волокну. Вопрос же добычи из него каучука уделялся крайне мало внимания, так как методы получения его казались слишком сложными, а сам выход был ничтожным.

Долгие опыты в Харьковском учебно-исследовательском институте увенчались успехом. Ему удалось добиться успеха полного извлечения каучука из этого растения. Из лабораторных стен работы были перенесены на опытную станцию, где удалось получить первые образцы каучука и даже изделия из него.

Одновременно, институтом прикладной ботаники и проф. Толмачевым были предприняты опыты по поднятию урожайности «каспейская карити». В первый же год удалось поднять урожайность на 56 проц. Сейчас под это растение на Украине занято 50 гектаров.

Так как выход каучука из него пока недостаточен (не превышает 1,5 проц.), было обращено внимание на использование отходов. Из отходов удалось получить высококачественную бумагу, по стоимости более дешёвую, чем из древесины. Сами же семена, представляющие очень хорошее сырьё для производства технических масел, будут использованы для получения фуфурлы.

Конечно, на выходе каучука в количестве 1,5% останавливаться не приходится. Путём селекции, улучшения культуры, путём специального ухода можно значительно повысить выход каучука (уже в настоящее время имеется возможность с одного гектара получить до 10 тонн сухого вещества). Таким образом, комбинированное использование «каспейская карити» даст возможность нашему советскому каучуку конкурировать с зарубежным.

В текущем году постановлением президиума ВСНХ отпущено до 3 миллионов рублей на сбор напильнов с дикорастущих хондрилл. Кроме того, Резинотрестом организована сбор семян, и в весны следующего года в Казахстане будут заложены плантации хондриллы. А ЦК ВКП(б) специальным постановлением от 21 декабря 1947 года поручила ВСНХ СССР организовать специальный трест, подчиненный президиуму ВСНХ СССР по разведке, разведению и сбору сырья из каучуконосов (хондриллы, гвайола, украинские вагончики и т. п.) и обеспечить его необходимыми финансовыми средствами.

Переход от сбора диких напильнов и от дикорастущих естественных «каспейская карити» к организации плантации может сразу обеспечить нас необходимыми сырьём, дав возможность выполнить намеченную Резинотрестом пятилетку, пользуясь собственным сырьём.

Поля каучуконосных растений — гвайола — в Мессине

„ЖЕМЧУЖИНА“ В БРИТАНСКОЙ КОРОНЕ

Дж. Лебедев

Индия выдвинулась сейчас на авангардные позиции колониальной национально-революционной борьбы. История практически ставит вопрос о тележонке пролетариата в индийской революции. Это толкает буржуазно на путь «революционных» форм и жестов: устами своего Национального конгресса она угрожает Англии неповиновением. Эти жесты свидетельствуют о нарастающей революционной волне в Индии, стране, перед которой выставляется индийски буржуазно целовать «левыми» ладонями. Они никоим образом не обманут надвигающаяся индийская революция пройдет под знаком тележонки пролетариата в союзе с единичным индийским крестьянством. Помещаемая ниже статья дает общую картину положения в Индии.

Страна богатства и роскоши, золотая Индия, жемчужина британской короны, страна солнца, красок и драгоценностей, рай, который стал адом,—так изображают Индию.

В Индии находится «бриллиантовый город»—Голконда. На юге Индии, у Цейлона, смуглые полуголые люди, синглазы, добывают со дна моря жемчуг, запятанный в створках блестящих раковин. В горах Индии и Цейлона тянется неисчислимое богатство драгоценных камней: аквамарин, топазы, бриллианты, сапфиры. Рядки старой Индии живут в роскоши блестящих золотом и бриллиантами дворцов, в ливневой неге искусственных озер и вечно-зеленых парков. Отсюда во все концы мира тянется золотой поток, в таковых водах которого лениво купается гордый британский лев. Здесь—и нигде еще—был рай, ибо как же не назвать рай страну, каждая пядь которой таят в себе миллионы?

Но—странная вещь!—ничего, совсем ничего представляют себе Индию сами индусы. Нищен в уборной рублет се Рамбандан Тагор, толстолиц, писатель индийской буржуазии. Даже глава национального конгресса Джавахарла Неру, тот, который и сам непрочлободать стопы английской империализма, завид, открывая конгресс в Лагоре:

— Блеск и слава Английской империи в Индии олицетворяют грязью хижин и хибраок и ужасающей нищеты населения.

Густота населения в Индии в 25 раз больше, чем в СССР, а в некоторых областях Индии даже в 30 раз. Скученность и экономическое опустошение способствуют развитию индизмий. В 1918—1919 гг. индизмий унесли в могилу 13 миллионов человек. Это—население всей Сибири.

В 1926 году умерло около 10 миллионов детей до 10 лет и около 70 тысяч матерей.

Парад войск в Бомбее в честь прихода вице-короля

Было время, когда по росту населения Индия шла впереди большинства стран. За последние годы рост населения резко упал. За 25 последних лет прошлого столетия население Индии выросло на 80 миллионов человек. За 25 лет XX столетия—только на 25 миллионов.

Земельные угодья в Индии колоссальны, 150 миллионов гект., многие пригодны для обработки, совершенно не возделываются.

70 процентов крестьянских хозяйств в Индии находятся в долгу у ростовщиков.

На плантациях (чайных, кофейных, каучуковых), где, даже по выражению Перселя, царит полурабский труд, буржуазия получает 200 процентов прибыли. Даже право пользования государственными лесами и пастбищами крестьянин получает за огромную плату. Число кустарей-текстильщиков за 10 лет (1911—1921) сократилось на 2 миллиона человек, т.е. на 33 процента, а за следующие 5 лет (1921—1926) еще на 2½ миллиона человек, т.е. всего на 63 процента.

Вот как сокровищница мира—Индия—превратилась в полунищую страну. Удивительно ли после этого замечание Маркса, что ease хозяйничанье англичан в Индии—свинство и остается таковым до сего дня?

Есть ли в Индии рабство?

А вот что пишет Персель о чайных плантациях Ассамы:

«Рассказ о бедных рабочих на чайных плантациях Ассамы—значит рассказать

историю такой подлости, которую вряд ли можно себе представить».

По нашему мнению, несмотря на все, что писалось по этому вопросу, чайные плантации Ассамы в существности являются рабовладельческими плантациями и ассамский чай из года в год производится потом, голодом и отчаянием миллионов индусов.

Записи Перселя настолько хороши, что ими не нужно прибавлять к ним ни одной букавы. Вот что он пишет о жилищных рабочих:

«В жилищной комнате нет вентиляции, если не считать вентиляцию через дырявую крышу и входную дверь, когда она открыта. За домом—указка, длинная канава, куда сливаются всякие отбросы и где кишат мухи и другие насекомые. И вот в такой комнате живут от 4 до 8 человек, включая детей».

Кстати, Факт, который хорошо иллюстрирует воспоминания Перселя.

На состоявшемся недавно в Лондоне конференции буржуазно-филиантропического общества заявили материнства и младенчества был сообщен поразительный факт: в Индии до сих пор практикуется в огромных размерах обычай продавать не достигших совершеннолетия девушек в замужество. На конференции были оглашены следующие цифры: в Индии в настоящее время около 300.000 замужних женщин и в возрасте до 5 лет и около 3 миллионов замужних женщин в возрасте до 10 лет. По словам докладчика, огласившего эти цифры, в Индии считается заурядным явлением, когда девушка в 15 лет—мать 3 детей, а в 22 года—бабушка.

Что еще можно прибавить к этим фактам?

Резервы индийской революции

По количеству веретен Индия стоит из одним из первых мест в мире. Индия сохраняет монополию в производстве джута. Одним из первых мест занимает Индия в производстве шелковых тканей. Первое место сохраняется за Индией в производстве марганца. Добыча угля и нефти в Индии также очень значительна. Индия имеет и широко развитую металлургию.

Производительность труда в Индии необычайно низка: в угольной промышленности, например, она в шесть раз ниже американской.

В своем докладе Персель пишет, что «миллионы рабочих Индии полу-

Собрание бегущих текстильщиц

чают половину прожиточного минимума, 60 процентов рабочих получают заработок не выше 50—55 коп. в день. Многие тысячи рабочих зарабатывают только половину этого. На железных дорогах, где обычным явлением стал 48-часовой непрерывный труд, рабочий зарабатывает 8 рублей в месяц. В текстильной промышленности заработок работников нередко понижается до 6 рублей в месяц.

Англо-индийский капитализм широко применяет способ «семейной эксплуатации» пролетария. В угольных коях Ориссы рабочий вместе с женой за 16-часовой рабочей день зарабатывает полтора рубля. На плантациях муж, жена и ребенок зарабатывают в течение 16—20 часов 50—60 копеек.

Даже Перселл отмечает, что «кнут на плантациях является главным средством воздействия в руках надсмотрщиков». Батраки на плантациях заключают контракт на три года. Почта бежать с плантации до этого срока преследуется уголовным законом.

«Сатяграх» — пассивное сопротивление — обычный способ борьбы индийских рабочих. Недавно сатяграх охватил огромную Восточную Индию до железной дороги. Но это пассивное сопротивление англичане ответили убийствами.

Во время пассивного сопротивления пролетариата.

Грандиозные забастовки 1919—1922 гг., когда в Индии бастовало до полутора миллионов рабочих, были отмечены рядом кровавых столкновений с полицией. Последней забастовка 150 000 текстильщиков в Бомбее вследствие провокации англичан привела к религиозным столкновениям в среде самих рабочих и между рабочими и полицией.

В кровавых схватках индийский пролетариат плывал и крестит. В Индии из 320 миллионов населения 296 миллионов безграмотных (92 процента). Среди женщин процент безграмотных повышается до 95—98. И только женщины на плантациях, женщины на фабрике Лидлоу, в Чангайе, женщины сами начали забастовку. Во время бомбейской забастовки женщины дрались бокс с мужчинами.

В наиболее отсталые группы полупролетария примыкает к борющейся рабочей массе. В позорном году в Индии произошла огромная забастовка мусорщиков. В 1929 году — забастовка судейских слуг.

Резервы индийской революции велики. Это, во-первых, около 3 миллионов индийских пролетариев. Далее — 230 миллионов крестьянства. Затем — 30 миллионов ремесленников, которые эксплуатируются сложным капитализмом, работой на скупщика. Наконец, 4 с половиной миллиона рабочих и мелких служащих, занятых на всех видах транспорта.

Во всех этих слоях происходит непрерывное брожение. Рабочие требуют повышения заработной платы, крестьяне отказываются платить налоги, ремесленники восстают против засилья скупщиков, на плантациях рабочие требуют признания за ними человеческих прав, отмены фактического рабства.

Да здравствует революция!

— Да здравствует революция! — кричали на улицах Лгатора массы индусов в день открытия Национального конгресса.

30 000 человек прорвали полицейский кордон и прибыли к зданию, где заседал конгресс, для того чтобы выразить массовый протест против английского владычества. С тех пор, как в Индии провозглашался английский сапог, эти сапоги стали обычным явлением. Негодование не раз выливалось в кровавые схватки. Десять лет тому назад в джунглях Индии десятки смельчаков вступали в сражения с английской конницей. Десять лет тому назад крестьяне Бардоль сожгли полицейский участок вместе с заседшими в нем английскими чиновниками. Десять лет тому назад конница генерала Дайера расстреляла тысячи безоружных лю-

дей в Амритсаре, в Джалай-Алваала, тысячи были задержаны на деревьях джунглей.

Еще тогда буржуазные лидеры мечтали о «скороковрой революции», о том, что тысячи

На религиозном празднике в одном из глухих селений Центральной Индии

крестьян и рабочих согласятся отдать свои жизни для того, чтобы на место английского господ посадить господ индийских.

Индийский пролетариат разрушил эти надежды. Он нашел свои пути к освобождению. Последние годы отмечены в Индии ростом могущественных пролетарских выступлений. Рабочий класс Индии все активнее выступает, как вождь, как гегемон революционно-освободительного движения.

В истории Индии 1919—1921 года были отмечены наиболее бурные революционные выступления пролетариата и крестьянства. Статистика забастовок указывает, что в эти годы было потеряно более 6 миллионов рабочих дней. Но что значат все эти выступления по сравнению с 1928 годом, когда в Индии было 200 забастовок, в которых приняли участие свыше полутора миллиона рабочих, и когда число потерянных рабочих дней перевалило за 31 миллион! За один 1928 год число потерянных рабочих дней превышает то же число за последние пять лет. В 1929 году забастовки не только не уменьшаются, а становятся еще более напряженными.

Но индийский рабочий не только бастует: он организуется, — а это еще страшнее для его хозяев. В то время как за последние годы средний месячный прирост профсоюзных едн достиг 2—3%, в последние месяцы 1928 года он достиг 25%.

И это еще не все. Перселл тоже считал, что лучшим средством освобождения индийских рабочих является их организация в профсоюзы. Он имел в виду, разумеется, реформистские профсоюзы. Что же мы ви-

дим на деле? Несмотря на помощь индийской буржуазии, несмотря на всемерное содействие английских социал-предателей, социал-демократических профсоюзов в Индии играют ничтожную роль. В том самом Бомбее, где еще недавно прошла мощная забастовка текстильщиков, реформистский профсоюз имеет только 8 000 членов, в то время как революционный профсоюз Грин-Камгар перевалил за 50 тысяч. Крупнейшие выступления индийского пролетариата проходят под руководством красных профсоюзов.

Рост рабочего движения революционизирует и крестьянство. В последние годы крестьянские выступления стали постоянным явлением. Совсем недавно волна крестьянских выступлений прокатилась по Бомбейской, Пенджабской и Маджарской провинциям, по Бенгалии, по округам Бихара и Ориссы. Даже сикхи — одно из пенджабских племен, живущих недалеко от советской границы, поставившее для Англии колониальную войну — и те в настоящее время вышли из повиновения. Брожение среди сикхов вызвало тревогу в Англии, и в Пенджаб даже были двинуты войска.

Индия «бунтует». У английской буржуазии есть все основания тревожиться.

Революция — все сокрушающий вихрь

Эту простую истину достаточно хорошо знает и индийская буржуазия. Ганди — этот испытанный философ непротивления, открыто предавший индусскую революцию в момент ее наиболее значительного подъема, энергично призывает массы к охране собственности.

— Я считаю, — заявил он недавно, — что капитализм неизбежен и тесно связан с высшей ступенью развития.

Сейчас об этом нужно напомнить, ибо индийский рабочий начинает «забывать» эту истину. Революционная атмосфера накалилась настолько, что Национальный конгресс — организация индийской либеральной буржуазии — под давлением масс провозгласил отказ от сотрудничества с англичанами в законодательных собраниях. Конечно, это всего лишь жест, от которого буржуазия откажется тотчас же, как только наступление пролетариата достигнет подножья трона индийского капитала. Пока еще буржуазия может щеголять революционными жестами: этим путем она рассчитывает заставить английских империалистов поделиться с ней прибавочной стоимостью индийского пролетариата. Рабочее правительство и здесь не отступает от политики твердости: оно категорически отказывается идти даже на малейшие уступки — на создание индийского доминанто, то-есть самоуправляющейся колонии, в которой интересы буржуазии защищаются бы не английскими чиновниками, а самой индийской буржуазией.

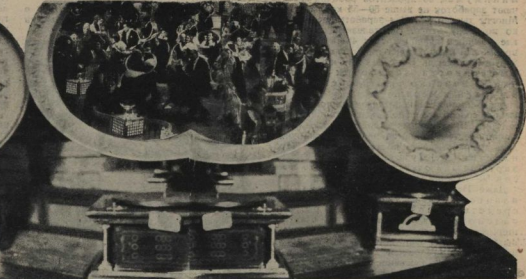
Рабочее движение, поднимающееся на свою высшую ступень, перешагивает через голову и английского империализма, и своей «собственной» индийской буржуазии, безудержно отбрасывая массу циничного вступления. будет наступления.

Деревья в Индии

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПАТЕФОНА

М. Розенфельд

Вот что случилось, когда мой приятель Рабыкин вернулся с практики из Берлина и привез мне в подарок... патефон.

Еще ни разу не ставил я загадочных пластинок, еще не дотрагивался до сверкающей ручки «Виктрола», но она уже сыграла роковую роль в моем настроении. В конце концов «Виктрола» — это тот же граммофон, кошмарный символ междичасий стихий. Что будешь, когда близкие люди застанут меня врасплох и произнесут свой приговор? Это уже было однажды, когда я намерился купить шапкейку и, чтобы ослабить грядущую кару всеобщего презрения, купил чика. Слабые попытки завуалировать этот базис междичасий идеологии потерпели крах. Над ласткой я повесил табличку: «Населогический выдержанный чика». Но друзья отвернулись от меня. Спрашивается, почему же церковные хористы могут быть членами Рабына, а честный певцу должен сносить муки унижения. Но он во-первых сдох от судачливого гриппа и тем вернул меня общественности. И теперь «Виктрола».

Я мужественно зашел «Виктрола» и мы убавленно слушали новинки Запада. Против ожидания, импровизированные концерты имели неслыханный успех, и мысли о том, что я буду немедленно вынесен из квартиры, оказались несколько преждевременными. Но что вытворяли черные пластинки? Как содрогались стены моего очага? Описание этого должно занять не менее серии томов в истории нового западно-европейского искусства. Как будто озверевые полчища дробили друг друга челюсти, ревели, рычали, вопили, стонали, рыдали и выли, торжествовали, визжали, гнусавили и безумно хохотали.

Веста о том, что у меня появилась берлинский патефон, разнеслась с немисливой быстротой и вечерами в комнате топились десятки людей, среди которых я многих не узнавал.

Одни восторгались и дрыгали в такт ногами, другие сдержанно подпедали и танцственно качали головой. Большинство сумрачно промиди театrorный дух Запада, вцепивший в этой коробке, и сдвела меня приятельными взорами, по десять раз подряд заставляла вертеть «Сумасшедшую девушку», «До колен или «Черную стая».

— Надо вникнуть, — жутко рычали они, — как там разлагаются. А ну, еще раз «Колени», пропалди они пропадаю. Да это ты поставишь «Самоедского мальчика», тебе говорят — Колени.

— Безобразия! Слошной разврат! «Виктрола» гремела до рассвета.

Однако каждый день нашей жизни движет историю, и следующее утро смыло все прежнее настроение.

В солидном журнале искусства и культуры я прочел статью о необходимости самого широкого распространения патефонов, как могучего двигателя культурной революции. Способный автор приводил убедительные доводы, внедряя удобный, портативный патефон в каждую рабочую семью, клуб и избирательно. Верный попутчик радио, патефон принесет в самые глухие углы важные речи, этот переносный агитатор может в любую минуту научить новой песне, оживить вечеринку, сходить, сельский концерт, внести новое содержание в будни, поднимая культуру, обновляя быт, попутно сколачивая колхозы и обобщая сельское животноводство.

Тогда я смело взглянул на «Виктрола» Автор призывал строить гигантскую граммофонную фабрику, хвалит Музиред за уже начатый массовый выпуск пластинок, а я... предвосхищая новую эру.

Я разбил берлинские пластинки и отирались веселым шагом в Музиред. Тут я полав в новый, неизведанный мир. Одновременно шинели и ревели двенадцать граммофонов. Только что выпущенные романы пелили романтикой пленительной древности: Вальцева, Потопчина, Шувалова. Над ухом хохотали «Бим-Бом».

За спиной шумела «Гайда, тройка», куплетист игриво летел: «Дамочки, девицы, мажущие лица».

— Не угодно ли наш советский «джаз-банд»? Только что выпущенные новые фонографы?

Ах, зачем я разбил берлинские пластинки! Продавца заводила «Иногда я счастлива», «Всегда с вами», «Забывать нельзя». Отечественный джаз-банд вызывал всеобщую гордость покупателей:

— Товарищ-товарищ! Джаз-банд также выли и мяукали, в некоторых местах певцы отрывались подпедали (точь-в-точь) настоящие заграничные куплеты:

Барыня де-Толли
Вальсирот — гудбай...

Я нырнул в водосток звуков, кружился как пестичка, захлестнутый трубами. В лицо было, хлестали могущественные волны ноющего бытия:

...Забывай нежные лобанья.

...Чай пили, каюкоричкала...

...Тусит-тус, туся мейлам чачо — радона-дись цыгане.

Дома я разбил «Виктрола». Так я окончательно погил для культурной революции, что и предквела друзей и знакомые.

ГЕРОН МУЗТРЕТОВСКОЙ ПЛАСТИНКИ

Рис. КУКРЫНИКСЫ

Барыня де-Толли
Вальсирот — гудбай...

„ТЕХНИЧЕСКАЯ ГРАМОТА“ — ИГРА ЧИТАТЕЛЕЙ „СМЕНЫ“

ВТОРАЯ СЕРИЯ

МЕТАЛЛ

Участники игры „Техническая грамота“ предлагается следующая задача: в приложении к же текст проставьте вместо многоточий соответствующие названия металлов:

... безупрочно самый важный для хозяйства нашей страны металл.

Для восстановления ... из руд служат огромные шахтные печи или домы.

Сыр ... получаемый в доме, далее перерабатывается в различные сорта ... и ...

Для получения ... электрическим путем применяют минерал криовит в смеси с чистым глиноземом.

Бескрайне замечательным металлом оказывается ... Этот металл, жидкий уже при обыкновенной температуре, и за исключением этого одного удивительного свойства, ... оказывается во всем остальном чудесством, обладающим металлическими свойствами

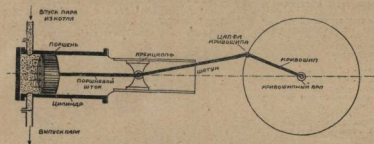
... превосходит по проводимости ток и тепло. Будучи заморожена ниже 40° С ... поддается ковке.

... довольно тверда, но не так, как железо. Этот металл можно расплющить в тонкие листы ударами молота и прокаткой. ... хорошо полируется. Кроме того, этот металл хорошо проводит тепло и является очень хорошим проводником электрического тока, почему ... и применяются для изготовления электродов.

... — белый блестящий металл, плавящийся уже при 230° (кусочек ... можно расплавить на пламени

стариновой свечки) ... великолепно вытягивается, куется и вылущивается. При сгибании ... пластично или делятсися слышен своеобразный хруст. На воздухе и в воде ... остается блестящим. Так как металлы, которыми покрываются металлы (особенно медь, никель), оказываются ядовитыми, то домашнюю утварь, сделанную из этих металлов, покрывают изнутри слоем ... Накрытые ... железные листы называются белой жестию.

СХЕМА ОДНОЦИЛИНДРОВОЙ ПОРШНЕВОЙ ПАРОВОЙ МАШИНЫ

Устройство поршневой паровой машины заключается в следующем. Внутри чугунного цилиндра помещается поршень, плотно пригнанный к стенкам цилиндра. Сверху поршень или шток прикреплен к кривошипу, который движется между двумя направляющими плоскостями, называемыми параллельными кривошип паровому штифам с длинным стержнем, называемым шатуном, другой конец шатуна надет на вал, кривошип — составной частью одно гнездо с валом машины, но увеличенный эксцентрично на ось этого вала. Представим себе, что доныш чашки находится в сообщении с паровым котлом, где пар доведен до упругости в несколько атмосфер, а правая часть сообщения с атмосферой. Тогда под давлением поступающего из котла пара поршень начнет перемещаться влево и, выйдя, займет крайнее положение. В этот момент мы можем выпустить пар с правой стороны, а левую соединить с атмосферой. Повернув паровой шток на 180° вперед и выпуск отработавшего пара производится особым парораспределительным механизмом.

В свое время, иллюстрирующей паровую машину, чертежи допустили две грубые ошибки. Какие именно? Ответы на эти вопросы дадут участники конкурса, ускорите присылку ответов, организуйте коллективные решения задач.

РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ ПЕРВОЙ СЕРИИ „ТЕХНИЧЕСКАЯ ГРАМОТА“

НУ, И ЦЕХ!

(Опис. неуравновешен)

- 1) Планировка цеха неуравновешена. В одном цехе не может помещаться столько равнообъемных машин, сколько и в другом; 2) Сверхдлинные стальные валовые неуравновешены. Верхняя часть вала; 3) Рабочий у сверхдлинного стального вала работает неуровно. Скорострелка; 4) Рабочий у сверхдлинного стального вала; 5) Рабочий у сверхдлинного стального вала; 6) Рабочий у сверхдлинного стального вала; 7) Рабочий у сверхдлинного стального вала; 8) Рабочий у сверхдлинного стального вала; 9) Рабочий у сверхдлинного стального вала; 10) Рабочий у сверхдлинного стального вала; 11) Рабочий у сверхдлинного стального вала; 12) Рабочий у сверхдлинного стального вала; 13) Рабочий у сверхдлинного стального вала; 14) Рабочий у сверхдлинного стального вала; 15) Рабочий у сверхдлинного стального вала; 16) Рабочий у сверхдлинного стального вала; 17) Рабочий у сверхдлинного стального вала; 18) Рабочий у сверхдлинного стального вала; 19) Рабочий у сверхдлинного стального вала; 20) Рабочий у сверхдлинного стального вала.

ОТВЕТЫ ПЕРВОЙ СЕРИИ: КАК ПОЧЕМУ, ЗАЧЕМ?

1. Оловянная, непроводящая часть.
2. Делая отливочный отливатель внутреннего строения тем, что он работает на жидком, самонагревающемся

3. Пар.
4. Медь.
5. Железо.
6. Магний — электрический металл, дающий свету для подосветления горючего.
7. Цинк — электрический металл.
8. Угнетательная для изготовления литейных электротехнических лампочек.
9. Сплав меди и свинца.
10. Группы применяются для крепления червячных и др. частей, а винты — металлических.
11. Поддерживать равномерность работы двигателя.
12. Двигатель внутреннего строения.
13. Французский ключ годен для гайки любого размера, а обыкновенный — для определенного размера.
14. Для предотвращения центробежной силы, развивающейся на поршнях и извращениях наружной резьбы.
15. На обрабатываемых машинах.
16. Транспортирующие машины и двигатели.
17. Главное преимущество паровых турбин заключается в том, что они занимают меньше места и легче паровых машин.
18. Сплав металла с ртутью.
19. Ковкое железо содержит до 0,5 пром. угля, сталь от 0,5 до 1,8 пром. угля — до 5 пром. угля.
20. Висмут.
21. Легкость в весе при большой прочности.
22. Огромная печь, служащая для выплавки железа из руды.
23. Для уничтожения окалины, образующейся на металле при нагревании.

ДАЕШЬ СОВЕТСКУЮ КАРТИНУ

Рис. И. РАБИЧЕВА

Толкает публика, давно К «репертивиам» привычна, У нас советское кино, А публика все «заграничная». Неужто мы лишь суждено Советское смотреть кино? Чтоб выкарбовать из тыны, Дашь «советскую» картину.

Программу все одну и ту ж — Подносит «Амось, Милуд Руж», Фокстрот, широкая кровать... А «Бронесовки» не вводить.

Агит-негордый.

и, войдя в союз с белыми, решает жестоко отомстить. У белкиной отбывает последние скотина. Арестованных повстанцев привозят в лагерь и смирной казны, а вместе с ними обращается на казнь и старое «свиной» Иона, обожавшее плыть своей воли — выльезвированного свинцом, омавшего пенную усадку белым. Иона слишком много узнал о действиях правительственного, и его решают «дизинформировать» вместе с красными.

Пона идут приготовления к казни, поны готовит новый фокус с елауцуней иконой, чтобы привлечь на свою сторону крестьян.

Толпыма валит народ, чтобы посмотреть на чудо, ноа подготавливается расстрел арестованных повстанцев... Но пайтаныма спускает арестованных, «чудо» раскрывается, а население, вооруженно-повстанцы для борьбы с красными антипартиями, обращает это оружие против своих обидчивых врагов.

Ценность фильма не только в его намерениях показать зрителю оборотную сторону и истинную сущность религии и ее служителей. «Иуда» не только вытис на антирелигиозную тему — в этом большое его достоинство. «Иуда», безусловно, интересна художественная картина. Скоротится она с огромным интересом, часто вызывая аплодисменты зрителей зала.

Эзар

ГОЛУБОЙ ЭКСПРЕСС

«Голубой экспресс» построен на материале классовой борьбы и колониальной политики империализма в Китае. Количественно и качеством фильмом, посвященным революционному движению за пределами СССР, мы, к сожалению, неохватываемся не можем. Поэтому каждый новый фильм на эту тему, многообразную тему является желанным для наших зрителей.

Мондой режиссер И. Трауберг и постановка своего фильма показаны без безупречности и упрощенчества. Он пытался дать символический посыл сложной политической и экономической обстановки Китая сегодняшнего дня.

Жизнь людей, разделенных на первый, второй и третий классы, меняется колоссально как бы показывая лезение общества на классы в действительности.

Восстание живого «товара» — китайских кули, находившихся в товарных вагонах — охватывает весь экспресс. Он читается по стране, пропущенный

ИУДА

На всех участках кинофронта наиболее слабым до сих пор является участок, отведенный для борьбы с религией. Фильмом, имеющих характер антирелигиозной пропаганды, вообще мало. Таких же, которые смогли бы подойти под рубрику научных и полемических оправданий свое назначение, почти нет. А сюда, на этот участок, как раз должно быть обращено наибольшее внимание.

Израильский Союзник фильм «Иуда» в некоторой степени выполняет брешь, являясь вместе с тем лучшим вкладом в советскую киноэпопею. Основное в фильме: обожание классовой сущности религии и взаимоотношений между богатым монастырем и опространными крестьянско-бедняками. На фоне гражданской войны разворачивается захватившая монастырская «мистика».

Монастырь, это — паук, захвативший в свою паутину окружающие земли, обранный по иже Христу, белками за мезлуату ареды. При помощи партийной крестьянство поднимает восстание, но закончивший отряд белогвардейцев подавляет восстание.

Паутинами и обожание бунтом, духовенство окончательно сбрасывает с себя либеральную маску

вводу отсутствующими железнодорожниками, олицетворяя собой экспресс революции.

Но бланка попытка режиссера и сценариста фильма не увенчалась успехом. Организованность действия фильма, происходящего только в самом экспрессе, представляла для авторов трудности, которых им не удалось разрешить. Классовая борьба, поднятая в «Голубом экспрессе», слишком схематична и не дает представления о ее политической сути и формах. Прямые намерения отойти от шаблонной подачи сюжета свалились все же на трагично опделанной прорывающейся.

Изма фигур толстая-миссионера с молотничником и вретом в руках выливают омаканный тик козела из «Креста» и маузера. Антигиперинципиалет выносивший капля в каллю многих уже ранее выданных на экраны, пайтроную в савантисом «разлаганую» буржуазно и т. п. В то же время режиссер И. Трауберг умеет схватывать и остро представлять наиболее замечательные и возмущающие моменты, хотя бы в роде жизни китайцев.

Но основная бреша в фильме революционной борьбы в Китае, «Голубой экспресс» может быть все же просмотрен как интересная иллюстрация к теме огромной политической важности и интереса.

М. Д.

МОАНА

Этот фильм назван по имени своего героя — сына южных морей — полинезийца Моана. Перед зрителем на экране в интересной и увлекательной форме проходит рассказ о жизни и борьбе за существование человека дальних субтропических островов Гавайи, расположенных близ Австралии.

Князца Моана, обладающий исключительной ловкостью и находчивостью, с самым приятным и интересным приключением, как во всем отговаривает у природы свое право на жизнь. Инстинкт почти первобытного человека подсказывает ему, как победить бушующую громаду гугама диго казана с огромным жилием.

Как рыба чувствует себя в воде, Моана, ныряя, ловит громадных рыб и черепаш. Сестричикоа управляет на маленькой лодочке в бурнующий океан, вставая на мигновения под его развешенными плавниками. Моана лопоч, как обожая, и для него не составляет никакого труда выобраться на выскопанное палымоное дерево за лаковыми корюшечными ордями.

Снимавший этот фильм режиссер-оператор Фларинг, автор индигито у нас «Папуа», рассказывает и был откровенно: приоткрывание птицы, трамвай для оледяки и т. п.

Но и этот интересный этнографический фильм не победил участь почти всех американских фильмов.

Режиссера Фларинг, сторонником американца, не интересуют социальные взаимоотношения символов же подлинности между собой и с не колониальными замочательными-европейцами. Он доводит фильм по заказу выдольжен колоний, и поэтому замысл предостерегает отсереживание.

И все же замечательная «смена» природы-действительных лесов и южных морей — делает «Моану» интересным и поучительным культурным.

М. Д.

